

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ**

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 23/2022

г. Донецк 2022

**Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Донбасская юридическая академия»**

ВЕСТНИК

ДОНБАССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Юридические науки

**Научный журнал
№ 23 / 2022**

Выходит 4 раза в год. Издаётся с 2016 г.

**Донецк
ДЮА
2022**

УДК 34

Главный редактор

Заместитель

главного редактора

Ответственный редактор

Н. В. Барбашова, д-р юр. наук, профессор (*Донецкий национальный университет*)

А.И. Левченков, д-р юр. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права (*Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, г. Луганск*)

Я. В. Полякова, канд. пед. наук, профессор кафедры лингвистики (*Донбасская юридическая академия*)

Ответственный секретарь

А. Г. Иванов, канд. экон. наук (*Донбасская юридическая академия*)

Редакционная коллегия:

Г. Н. Гапотченко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*), Р. Х. Гиззатуллин, д-р юр. наук (*Башкирский государственный университет, г. Уфа*), В. В. Груздев, д-р юр. наук (*Костромской государственный университет, г. Кострома*), С. Х. Джиоев, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*), О. Г. Дьяконова, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*), В. С. Елисеев, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*), В. И. Козюберда, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*), В. А. Комаров, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*), С. В. Лихачев, д-р юр. наук (*Курский государственный университет, г. Курск*), А. А. Лукьянцев, д-р юр. наук (*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону*), О. А. Малышева, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*), С. Ю. Мироненко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*), А. М. Моисеев, д-р юр. наук (*Донбасская юридическая академия*), А. А. Николаев, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*), Э. С. Новосардова, д-р юр. наук (*Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь*), Т. И. Отческа, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*), П. И. Павленко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*), А. Н. Першин, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*), А. А. Савченко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*), В. Г. Севка, д-р экон. наук (*Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, г. Макеевка*), А. А. Ситник, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*), Л. Б. Смирнов, д-р юр. наук (*Северо-Западный институт управления – филиал РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург*), Ю. В. Степаненко, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*)

Журнал зарегистрирован

в Научной Электронной библиотеке (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) (лицензионный договор № 596-11/2016 от 10 ноября 2016 г.); в Министерстве информации ДНР. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – Серия ААА № 000169 от 14.11.2017 г.

Внесен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Приказом МОН ДНР от 08.05.2018 г. № 433

Основатель и издатель

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасская юридическая академия», г. Донецк.

Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасской юридической академии, протокол от 28.12.2022 г. № 5

Язык публикации: русский, английский.

Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.

Адрес редакции:

ул. Лебединского, д. 9, г. Донецк, 283049

e-mail: Vestnik.DLA@yandex.ru

Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов. – Вып. 23. – Донецк: ДЮА, 2022. – 91 с. – («Юридические науки»).

© Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасская юридическая академия», 2022

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatelnoe uchrejdenie
vyshego obrazovaniya
«Donbasskaya yuridicheskaya akademiya»**

VESTNIK

DONBASSKOY YURIDICHESKOY AKADEMII

Yuridicheskiye nauki

**Nauchnyi Zhurnal
№ 23 / 2022**

Vykhodyt 4 raza v god. Izdaetsia s 2016 g.

**Donetsk
DYA
2022**

UDK 34

- Editor-in-chief N.V. Barbashova, Advanced Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Donetsk National University*)
- Deputy editors-in-chief A.I. Levchenkov, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law (*Lugansk Academy of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Lugansk*)
- Executive secretary I.V. Poliakova, PhD in Pedagogy, Professor of the Department of Linguistics (*Donbass Law Academy*)
- Executive secretary: A.G. Ivanov, Cand. of Economical Sciences (*Donbass Law Academy*)
- Editorial board: G.N. Gapotchenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), R.H. Gizzatullin, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Bashkir State University, Ufa*), V.V. Gruzdev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kostroma State University, Kostroma*), S. Kh. Dzhioev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), O.G. Dyakonova, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), V.S. Eliseev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), V.I. Kozyuberda, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V.A. Komarov, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), S.V. Likhachev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kursk State University, Kursk*), A.A. Lukyantsev, Doctor of Juridical Sciences (*Southern Federal University, Rostov-on-Don*), O.A. Malysheva, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), S.Yu. Mironenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), A.M. Moiseev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), A.A. Nikolaev, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), E.S. Novosardova, Doctor of Juridical Sciences (*North Caucasus Federal University, Stavropol*), T.I. Otcheskaia, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), P.I. Pavlenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), A.N. Pershin, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), A.A. Savchenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V.G. Sevka, Advanced Doctor of Economical Sciences (*Donbass National Academy of construction and architecture, Makeevka*), A.A. Sitnik, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), L.B. Smirnov, Doctor of Juridical Sciences (*North-Western Institute of Management Branch of RANH and GS, St. Petersburg*), Iu.V. Stepanenko, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*)
- The journal is registered Of the Scientific Electronic Library (SEL) – the chief executive of the project on determining Russian Science Citation Index (RSCI) (license agreement № 596-11/2016 of November 10, 2016).
In Ministry of information of DPR. Testifying to registration of means of mass information is Series of AAA № 000169 dated 14.11.2017.
Included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for obtaining the scientific degree of the candidate of sciences should be published, for the academic degree of the Doctor of Sciences Order of the Ministry of Education and Science of the DPR dated 08.05.2018 No.433.
- Founder and Publisher State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Donbass Law Academy»
Recommended for publishing by Academic Board of Donbass Law Academy.
The Minute № 5 dated 28.12.2022.
Language of publication: Russian, English
All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the permission of the author and publisher
- Address of editor office: 9, Lebedinsky Street, Donetsk, 283049
e-mail: Vestnik.DLA@yandex.ru
- Herald of Donbass Law Academy: collection of scientific papers. – Issue 23. – Donetsk: DLA, 2022. – 91 p. – («Juridical science» series).

© State Budgetary Educational Establishment of Higher Education
«Donbass Law Academy», 2022

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials

СОДЕРЖАНИЕ

Демченко А.И. Система права промышленной собственности: проблемы теории и нормативного регулирования.....	7
Гапотченко Г.Н. Сравнительно-правовой анализ регламентации доказывания в стадии возбуждения уголовного дела по уголовно-процессуальному законодательству Донецкой Народной Республики и Российской Федерации.....	15
Каравацкая С.А. Медиация в российском уголовном процессе.....	22
Картамышев А.А., Николаев А.А. Понятие и классификация кластерной политики государства.....	31
Матвиенко Е.А. Проблема реализации и защиты прав и свобод человека в сети интернет....	39
Моисеев А.М., Кондратюк С.В. Проблемы назначения современных наукоемких экспертиз.....	48
Подляскин А.А. Механизм административно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия и боеприпасов на примере Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики.....	56
Свиридова К.Е. Актуальные вопросы обеспечения информационной безопасности в условиях цифровизации современного общества.....	64
Степанова Ю.С. Информационное общество в Донецкой Народной Республике и право на забвение: вопросы правового регулирования.....	73
Храпинский Б.Л. Нарушение таможенных правил: историко-правовой аспект.....	81

CONTENT

Demchenko, A.I. The system of industrial property law: problems of theory and regulatory regulation.....	7
Gapotchenko, G.N. Comparative legal analysis of the regulation of evidence at the stage of initiating a criminal case under the criminal procedure legislation of the Donetsk People's Republic and the Russian Federation.....	15
Karavatskaya, S.A. Mediation in the Russian criminal proceedings.....	22
Kartamyshev, A.A., Nikolaev, A.A. The concept and classification of state cluster policy.....	31
Matvienko, E.A. The problem of realization and protection of human rights and freedoms on the Internet.....	40
Moiseev, A.M., Kondratyuk, S.V. Problems of appointment of modern science-intensive expertise.....	48
Podlyaskin, A.A. The mechanism of administrative and legal regulation of firearms and ammunition turnover on the example of the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic.....	56
Sviridova, K.E. Current issues of information security in the conditions of digitalization of modern society.....	65
Stepanova, Yu.S. Information society in the Donetsk People's Republic and the right to be forgotten: issues of legal regulation.....	73
Khrapinsky, B.L. Violation of customs regulations: historical and legal aspect.....	81

УДК 347.77

А.И. Демченко, старший преподаватель, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: alla2014don@gmail.com)

СИСТЕМА ПРАВА ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье проанализированы нормативные акты Российской Федерации и международные договоры, регулирующие отношения в сфере права промышленной собственности, а также доктринальные исследования ученых-цивилистов, выявлены существенные признаки права промышленной собственности и его отдельных объектов. Предложена систематизация отдельных правовых норм, регулирующих отношения в сфере промышленной собственности, в институты и субинституты.

Ключевые слова: *промышленная собственность; патентное право; средства индивидуализации субъектов предпринимательской деятельности, товаров, работ, услуг и предприятий; нетипичные объекты промышленной собственности.*

Demchenko, A.I.

THE SYSTEM OF INDUSTRIAL PROPERTY LAW: PROBLEMS OF THEORY AND REGULATORY REGULATION

The article analyzes the normative acts of the Russian Federation and international treaties regulating relations in the field of industrial property law, as well as doctrinal studies of civil scientists, identifies essential features of industrial property law and its individual objects. The systematization of individual legal norms regulating relations in the field of industrial property into institutes and subinstitutions is proposed.

Key words: *industrial property; patent law; means of individualization of business entities, goods, works, services and enterprises; atypical objects of industrial property.*

Актуальность темы исследования. Одним из факторов, обеспечивающих экономическое развитие и безопасность государства, является внедрение новых, передовых технологий и технических решений, которые создаются в результате интеллектуальной, творческой деятельности. Как отмечал П.П. Баттахов, отношения в сфере промышленной собственности направлены на материализацию технической, технологической или иной информации, влияющей на развитие промышленной сферы и сферы торговли [2, с. 56]. Для осуществления такой деятельности необходима не только материально-техническая база и наличие специалистов в соответствующей сфере, но и нормативная база, которая обеспечивает упорядочение такой деятельности. Основу такого нормативного материала образуют нормы гражданского законодательства. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) посвятил часть 4 нормам, регулиющим права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации [3]. Структурно данная часть ГК РФ выделяет нормы авторского права (глава 70), смежных прав

(глава 71), патентного права (глава 72), права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (глава 76). Отдельные главы посвящены таким объектам интеллектуальных прав, как селекционные достижения (глава 73), топологии интегральных микросхем (глава 74) и секреты производства – ноу-хау (глава 75). Такое структурирование нормативного материала позволяет выделить в системе интеллектуальной собственности самостоятельные правовые институты – авторское право, смежные права, патентное право и средства индивидуализации. Однако вопрос о принадлежности к тому или иному правовому институту отдельных объектов интеллектуальных прав законодательно не урегулирован. Также нуждаются в систематизации нормы отдельных институтов, которые образуют субинституты в рамках права интеллектуальной собственности.

Необходимо отметить, что особого внимания заслуживает упорядочение системы права промышленной собственности, поскольку термин «промышленная собственность» не закреплен в ГК РФ и не раскрывается в актах российского законодательства, хотя широко используется в доктрине и международных договорах. Следует также учитывать то, что большинство объектов интеллектуальных прав (за исключением объектов авторского права и смежных прав) относят именно к промышленной собственности, что также свидетельствует о важности данного института и необходимости его детального изучения.

Анализ научных исследований. Вопросы, посвященные системе права интеллектуальной собственности, структуре его отдельных институтов и определению их правовой природы, рассматриваются в основном в учебной литературе без выделения проблемных вопросов. Отдельные научные исследования системы права промышленной собственности, использованные в процессе исследования, содержатся в работах таких авторов, как П.П. Баттахов [2], С.С. Лалиев [5], Л.А. Новоселова [7]. Однако комплексное исследование системы права промышленной собственности до настоящего времени не было проведено.

Цель исследования – определить правовую природу промышленной собственности, ее специальные признаки, а также особенности ее отдельных институтов (субинститутов).

Изложение основного материала. В юридической литературе для обозначения родовой принадлежности видов деятельности, связанных с техническим творчеством, используются такие термины, как патентное право и право промышленной собственности. В связи с этим важно разграничить содержание данных понятий. Гражданское законодательство РФ не содержит нормативного определения таких институтов, как «право промышленной собственности» и «патентное право». Кроме того, система права интеллектуальной собственности не отражена в структуре части 4 ГК РФ. Выделение в системе права интеллектуальной собственности структурных частей (авторское право и право промышленной собственности) основано на международных актах и доктринальных разработках ученых-цивилистов.

Впервые термин «право промышленной собственности» был использован в Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года [6]. Конвенцией было провозглашено создание Международного союза по охране промышленной собственности (Парижского союза). Основная цель Парижской конвенции – создание условий для охраны исключительных прав на объекты промышленной собственности. Пункт 3 статьи 1 данного международного акта содержит легальное определение понятия «промышленная собственность».

В Парижской конвенции промышленная собственность понимается в широком смысле и используется в сфере промышленности и торговли, в том числе в области сельскохозяйственного производства и добывающей промышленности. Объектами, которым Конвенция предоставляет правовую охрану, являются изобретения, полезные модели, промышленные образцы, а также товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования, указания происхождения или наименования места происхождения. Самостоятельным объектом правовой охраны также названы действия по пресечению недобросовестной конкуренции. Такие объекты являются бестелесными, охраняются нормами гражданского законодательства и включаются в систему права интеллектуальной собственности.

Помимо Парижской конвенции, отношения в сфере промышленной собственности регулируются нормами Договора о патентной кооперации 1970 года, который устанавливает порядок составления и подачи международной заявки для получения охранного документа на изобретение. Договором вводится международная система регистрации изобретений РСТ. Такая система обеспечивает единую процедуру подачи заявок РСТ для получения патента на изобретение. Заявка может быть подана в любом государстве, присоединившемся к Договору.

Евразийский патент относится к региональным патентам, который разработан и введен в рамках Евразийской патентной конвенции (ЕАПК), которая вступила в силу 12 августа 1995 года. Такой патент действует на территории стран – участников ЕАПК наряду с национальными патентами.

Помимо Евразийского патентования, к региональной патентной системе также относится патентование на основании Европейской патентной конвенции 1977 года, которая закрепляет возможность правовой охраны только одного объекта интеллектуальных прав – изобретения. Длительное время особенностью европейской патентной системы является отсутствие европейского патента как единого охранного документа. На основании решения о выдаче патента, заявителю по его запросам выдаются национальные патенты, каждый из которых действует независимо друг от друга. После выдачи патента все интеллектуальные права на указанный в ней объект регулируются нормами национального законодательства стран – участниц Конвенции. В декабре 2012 года была введена процедура выдачи единого патента Евросоюза, который устанавливает правовую охрану изобретений на территории всех государств – членов ЕС. Он может выдаваться после получения европейского патента на

основании запроса патентообладателя. Такой патент, как отмечает В.И. Еременко, является не набором национальных патентов, а одним документом, не требующим валидации и национального администрирования [4, с. 45].

Кроме регионального патентования, действует также несколько систем международной регистрации интеллектуальных прав, каждая из которых основана на отдельном международном договоре и образует самостоятельную систему международной регистрации определенных объектов. Мадридская система используется для регистрации товарных знаков, она разработана на основании Мадридского соглашения о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 года и Протокола к нему от 28 июня 1989 года. Гаагская система используется для регистрации промышленных образцов, ее правовым основанием является Гаагское соглашение о международном депонировании промышленных образцов от 6 ноября 1925 года. Лиссабонская система предназначена для регистрации наименований места происхождения товара в соответствии с нормами Лиссабонского соглашения об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации от 31 октября 1958 года. Международная регистрация изобретений по системе РСТ осуществляется на основании Договора о патентной кооперации от 19 июня 1970 года.

Таким образом, нормы международных актов детально регламентируют признаки и систему объектов промышленной собственности. По мнению С.С. Лалиева, такие объекты характеризуются возможностью их применения в сфере промышленности и торговли, а также способом и формой предоставляемой им правовой охраны. Нормативно урегулированы также процедурные вопросы, связанные с оформлением интеллектуальных прав, определяются правила государственной регистрации таких объектов [5, с. 92].

Таким образом, «промышленная собственность» представляет собой общепринятый термин, который сложился исторически и используется для обозначения отношений, возникающих в процессе создания и использования объектов, которые обладают общими признаками, позволяющими объединить их в единую группу объектов промышленной собственности. Парижская конвенция определяет две сферы использования объектов промышленной собственности – непосредственно промышленность и торговлю.

Непосредственно в сфере промышленного производства результаты интеллектуальной деятельности создаются в процессе технического, научно-технического или художественно-технического творчества. Гражданское законодательство к данной группе объектов относит изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, секреты производства (ноу-хау) и топологии интегральных микросхем. Техническое творчество можно определить как вид деятельности человека, направленный на освоение имеющегося опыта и технических знаний, и создание на их основе новых технических объектов и систем.

Если результатом технического творчества выступает принципиально новое решение, не известное из уровня техники, речь идет о научно-техническом

творчестве. Такая форма технического творчества является значимой производительной силой, двигателем прогресса только при условии внедрения его результатов в производство. Статьи 1350 и 1351 ГК РФ устанавливают обязательным условием патентоспособности изобретения и полезной модели их промышленную применимость. Указанные объекты являются промышленно применимыми, если они могут быть использованы в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении, в других отраслях экономики, а также в социальной сфере.

Художественно-техническое творчество направлено на достижение не только технического, но и эстетического эффекта от результата интеллектуальной деятельности вследствие объединения автором технического и художественного творчества. Таким результатом являются промышленные образцы, которые относятся к традиционным объектам промышленной собственности. Для промышленного образца промышленная применимость не относится к обязательным условиям патентоспособности. Статья 1352 ГК РФ определяет промышленный образец как решение внешнего вида изделий промышленного или кустарно-ремесленного производства. То есть, промышленная применимость предусмотрена в качестве возможного способа использования таких объектов и не считается обязательным условием их патентоспособности.

Изобретения, полезные модели и промышленные образцы традиционно относят к объектам права промышленной собственности. Нормы, регулирующие процедуру их создания и использования в гражданском обороте, включены российским законодателем в отдельный институт права промышленной собственности – патентное право. Сам термин «патентное право» используется как наименование главы 72 ГК РФ. В статье 1345 ГК РФ раскрывается содержание понятия «патентные права», под которыми понимаются исключительные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы. Исходя из данного нормативного определения, объектами патентного права признаются только указанные в этой статье объекты.

Для определения правовой природы патентного права целесообразно рассмотреть те признаки, на основании которых изобретения, полезные модели и промышленные образцы отнесены к одной категории объектов интеллектуальных прав. Наиболее очевидным является вывод о то, что указанные объекты охраняются при помощи специального документа – патента. Статья 1354 ГК РФ предусматривает, то патент подтверждает: приоритет, авторство и исключительное право на изобретение (полезную модель, промышленный образец). То есть, патент можно рассматривать как правоустанавливающий и охраняющий документ, который также определяет и объем правовой охраны. Для изобретения и полезной модели он определяется формулой изобретения (полезной модели), а для промышленного образца – совокупностью существенных признаков, которые можно установить из изображений внешнего вида изделия.

Помимо изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, патентом также охраняются интеллектуальные права на селекционные достижения. Статья 1415 ГК РФ устанавливает, что патент на селекционное достижение, как и на изобретение (полезную модель или промышленный образец) удостоверяет приоритет, авторство и исключительное право. Объем правовой охраны селекционных достижений определяется совокупностью существенных признаков, закрепленных в описании. Юридическая доктрина традиционно относит селекционные достижения к нетрадиционным объектам права интеллектуальной собственности, по правовой природе близким к объектам патентного права [7]. Особенностью селекционных достижений является их непосредственная связь с живыми организмами (растениями, животными), которые выступают в качестве доказательства результата интеллектуальной деятельности. Как отмечает А.И. Балашова, селекционное достижение не может быть представлено в форме идеальной модели или схемы скрещивания, необходимо реализовать идею на практике и получить результат в виде живых организмов, обладающих совокупностью заявленных признаков [1, с. 183]. Однако несмотря на специфику результата интеллектуальной деятельности, который воплощается в селекционном достижении, данный объект обладает таким признаком, как промышленная пригодность, может использоваться в сельскохозяйственном товарном производстве. Данный признак не относится к условиям патентоспособности селекционного достижения, полученные результаты могут использоваться в сельскохозяйственном производстве, в различных отраслях промышленности, а также в подсобном хозяйстве.

Патентное право, как институт права промышленной собственности, обладает признаками, которые присущи патенту.

1. Патент представляет собой правоустанавливающий документ. Он подтверждает исключительное право и право авторства на объект промышленной собственности, а также служит подтверждением того, что такой объект соответствует установленным в законодательстве условиям патентоспособности.

2. Патент является охранным документом, обеспечивающим возможность защиты установленных законодательством прав патентообладателя и автора, гарантирует право на возмещение причиненного ущерба и компенсаций.

3. Патент обеспечивает гражданский оборот исключительных прав, способствует внедрению в производство закрепленных в нем технических решений, способствует научно-техническому прогрессу.

Как отмечает Р.Э. Хамидова, наличие патента дает значительные конкурентные преимущества, его можно использовать для ограничения сферы деятельности конкурентов. Таким образом, автор выделяет дополнительную функцию патента – использование его в качестве конкурентного оружия [8, с. 176].

Самостоятельную группу объектов интеллектуальных прав образуют средства индивидуализации юридических лиц (фирменное наименование),

товаров (товарный знак, географическое указание, наименование места происхождения товара), работ и услуг (знак обслуживания) и предприятий (коммерческое обозначение). Такие средства представляют собой обозначения, которые позволяют идентифицировать и обособить субъектов предпринимательской деятельности, а также их товары, работы и услуги. В рамках права промышленной собственности данный институт можно определить как институт индивидуализации в сфере предпринимательской деятельности. В отличие от объектов патентного права, при создании средств индивидуализации творческий характер такой деятельности не является обязательным, хотя и не исключается (например, изображение, заявленное в качестве товарного знака, может охраняться нормами авторского права). Для таких объектов личность автора не имеет значения, а личные неимущественные права не возникают. С позиции систематизации права интеллектуальной собственности, включение института индивидуализации в систему права промышленной собственности можно связать с нематериальным характером прав на такие объекты, а также со сферой их использования в промышленности, торговле или в сфере обслуживания.

Особое место в системе объектов промышленной собственности занимают результаты интеллектуальной деятельности, которые не охраняются нормами авторского или патентного права, их принято называть нетипичными. К таким объектам относятся топологии интегральных микросхем и секреты производства (ноу-хау). Топологии являются относительно новым объектом интеллектуальных прав, который получил правовую регламентацию в процессе развития микроэлектроники. В отличие от объектов патентного права, государственная регистрация топологий осуществляется по желанию правообладателя. Как и для объектов авторского права и смежных прав, для топологий предусмотрена возможность оповещения правообладателем о своем исключительном праве при помощи знака охраны, который может проставляться на самой топологии, либо на изделиях, созданных с ее использованием. Тем не менее, топологии по своей технической сущности предназначены для использования в процессе производства в различных отраслях промышленности, что объясняет их принадлежность к объектам промышленной собственности.

Специальным (нетрадиционным) объектом промышленной собственности также признаются секреты производства – «ноу-хау», которые получили правовую охрану относительно недавно. Как и топологии интегральных микросхем, они не могут быть отнесены к объектам авторского или патентного права. Под секретами производства (ноу-хау) понимаются производственные, технические, экономические и иные сведения о результатах научно-технического творчества, либо о способах осуществления профессиональной деятельности. Обязательными признаками таких сведений должна быть их действительная или потенциальная коммерческая ценность, а также конфиденциальный характер – отсутствие свободного доступа к такой информации у третьих лиц. Такая информация не подлежит государственной регистрации, правообладатель может лишь вводить режим коммерческой тайны.

Таким образом, право промышленной собственности можно определить как совокупность правовых норм, регулирующих отношения, возникающие в процессе создания, оформления, защиты и передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, которые создаются в процессе технического, научно-технического, художественно-технического творчества и могут использоваться в различных отраслях промышленности, а также на средства индивидуализации субъектов предпринимательской деятельности, товаров, работ, услуг. Право промышленной собственности – структурная часть права интеллектуальной собственности, которое является подотраслью гражданского права.

В системе права промышленной собственности можно выделить структурные части – субинституты: патентное право, субинститут индивидуализации в сфере предпринимательской деятельности и субинститут специальных (нетрадиционных) объектов промышленной собственности. В каждом субинституте права промышленной собственности содержатся нормы, которые: 1) определяют специфику охраняемого объекта; 2) устанавливают порядок оформления прав на объекты (процессуальные нормы); 3) регулируют правила защиты исключительного права на охраняемый объект; 4) регламентируют договорной и внедоговорной порядок передачи исключительных прав на объекты.

Список литературы

1. Балашова А.И. Особенности правового статуса субъектов прав на селекционные достижения / А.И. Балашова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – № 3 (33). – С.178-184.
2. Баттахов П.П. Понятие и значение права промышленной собственности: закон и доктрина / П.П. Баттахов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2013. – № 2. – С. 53-56.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ – (дата обращения: 25.12.2022).
4. Еременко В.И. О едином патенте Европейского союза / В.И. Еременко // Законодательство и экономика. – 2013. – № 9. – С. 45.
5. Лалиев С.С. Промышленная собственность в системе права интеллектуальной собственности / С.С. Лалиев // Общество и право. – 2012. – № 2 (39). – С. 90-92.
6. Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года (ред. от 02.10.1979). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/ – (дата обращения: 25.12.2022).
7. Право интеллектуальной собственности: Учебник / О.Л. Алексеева, А.С. Ворожечич, Е.С. Гринь и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. – Москва : Статут, 2019. – Т. 4: Патентное право. – 659 с.

8. Хамидова, Р.Э. Патент как инструмент в конкурентной борьбе и его учет / Р.Э. Хамидова // Хроноэкономика. – 2018. – № 2 (10). – С. 168-176.

УДК 343.13

Г.Н. Гапотченко, канд. юрид. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: gapot4enko63@mail.ru)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОКАЗЫВАНИЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проводится комплексный анализ вопросов, связанных с правовой регламентацией процедуры доказывания в стадии возбуждения уголовного дела по уголовно-процессуальному законодательству Донецкой Народной Республики и Российской Федерации. Автором осуществляется их сравнительно-правовой анализ, а также отмечаются отдельные замечания и обосновываются предложения по усовершенствованию правовой регламентации процедуры доказывания в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: *Донецкая Народная Республика, Российская Федерация, доказывание, стадия возбуждения уголовного дела, уголовно-процессуальный кодекс, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, процессуальная регламентация, сравнительно-правовой анализ, уголовное дело.*

Gapotchenko, G.N.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE REGULATION OF EVIDENCE IN THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION

The article provides a comprehensive analysis of issues related to the legal regulation of the evidentiary analysis at the stage of initiation of a criminal case under the criminal procedure legislation of the Donetsk People's Republic and the Russian Federation. The author carries out their comparative legal analysis, as well as notes individual comments and substantiates proposals for improving the legal regulation of the evidentiary analysis at the stage of initiation of a criminal case.

Key words: *Donetsk People's Republic, Russian Federation, proof, stage of initiation of criminal proceedings, criminal Procedure Code, criminal procedure, criminal proceedings, procedural regulation, comparative legal analysis, criminal case.*

Актуальность темы исследования. Законность деятельности по возбуждению уголовного дела напрямую зависит от полноты процедуры её регламентации в нормативных правовых предписаниях действующего уголовно-процессуального законодательства, соответственно Донецкой

Народной Республики (далее – ДНР) и Российской Федерации (далее – РФ), а также от её одинакового понимания и неукоснительного применения всеми субъектами, которые уполномочены на осуществление уголовного процесса.

Их изучение и анализ позволяют выделить отдельные дискуссионные вопросы, которые, по нашему мнению, требуют своевременного усовершенствования. В частности, речь идет об усовершенствовании правовой регламентации процесса доказывания в стадии возбуждения уголовного дела.

Учитывая, что уголовно-процессуальное законодательство ДНР в настоящее время находится в состоянии развития, данный вопрос является особо актуальным. Это обусловлено также и тем, что Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики (далее – УПК ДНР) был принят и вступил в законную силу в 2018 году [1].

Анализ научных исследований. В разное время вопросы процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела были предметом научного исследования многих ученых-процессуалистов, среди которых можно отметить таких, как М.И. Бажанов, Б.Т. Безлепкин, Ю.Н. Белозёров, С.В. Бородин, А.Я. Дубинский, В.И. Зажицкий, В.С. Зеленецкий, Л.М. Карнеева, Е.Д. Лукьянчиков, П.А. Lupинская, М.М. Михеенко, М.С. Строгович, М.А. Чельцов, А.А. Чувилёв и другие.

Тем не менее, отдельные вопросы правовой регламентации процесса доказывания в стадии возбуждения уголовного дела, по нашему мнению, являются дискуссионными, требуют усовершенствования уголовно-процессуального законодательства, как Донецкой Народной Республики, так и Российской Федерации.

Основной целью настоящей научной статьи является проведение комплексного сравнительно-правового исследования уголовно-процессуального законодательства ДНР и РФ, научной и учебной литературы по вопросам правовой регламентации процесса доказывания в стадии возбуждения уголовного дела, выделение основных прогрессивных теоретических и практических разработок по данным вопросам. Формулировка и обоснование конкретных предложений по усовершенствованию УПК ДНР по теме данного научного исследования.

Изложение основного материала. Для того, чтобы понять актуальность темы исследования и сформулировать конкретные выводы, указанные в целях статьи, прежде всего, необходимо проанализировать такие понятия, как «уголовный процесс (уголовное судопроизводство)» и «уголовное дело». Данные понятия употребляются законодателем как в УПК ДНР, так и в УПК РФ.

Так, например понятие «уголовное дело» употребляется в диспозициях ст. 3, 4, 6, 7, 8, 17, 30, 60, 70 и многих других УПК ДНР, а также ст. 2, 3, 4, 24, 25 и многих других УПК РФ [2].

Понятие «уголовное судопроизводство» (уголовный процесс) употребляется в диспозициях ст. 19, 27, 53 и многих других УПК ДНР, а также ст. 6, 6.1, 8, 11, 18 УПК РФ.

Вместе с тем, в УПК ДНР и в УПК РФ отсутствует нормативное закрепление определения понятия «уголовное дело».

В научной литературе под термином «уголовное дело» понимается несколько значений, в зависимости от того, в каком смысле они употребляются. Когда речь идет о возбуждении, прекращении, возобновлении уголовных дел, законодатель под термином «дело» подразумевает процесс производства, деятельность органов следствия и суда.

В ином смысле закон использует термин «дело», когда указывает, например, что «следователь немедленно направляет дело прокурору». В этом случае под термином «дело» законодателем подразумевается совокупность документов, в которых зафиксированы факты и действия определенного противоправного деяния. Иногда термин «дело» в разных значениях применяется в названии одной и той же статьи уголовно-процессуального кодекса, изложенной следующим содержанием: прекращение уголовного дела (имеется в виду прекращение производства) в связи с направлением дела (имеется в виду совокупность документов), например, в комиссию по делам несовершеннолетних [3, с. 8].

В УПК ДНР также отсутствует определение понятия «уголовное судопроизводство».

Данное понятие отражено в УПК РФ. В п. 56 ст. 5 УПК РФ указано, что уголовное судопроизводство – это досудебное и судебное производство по уголовному делу. В п. 9 этой же статьи указывается, что досудебное производство – это уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу.

Таким образом, в УПК РФ на законодательном уровне регламентировано начало уголовно-процессуальной деятельности, – с момента получения сообщения о преступлении. Известно, что с момента появления одного из перечисленных в ст. 104 УПК ДНР и ст. 140 УПК РФ поводов к началу уголовно-процессуальной деятельности начинается стадия возбуждения уголовного дела. В данной стадии осуществляется регламентированная нормами УПК ДНР и УПК РФ процессуальная деятельность, направленная на установление и разрешение вопросов, которые имеют существенное значение для законности принятия итогового процессуального решения в форме постановления о возбуждении уголовного дела (или об отказе в возбуждении уголовного дела).

Для выяснения и разрешения указанных вопросов нормы ст. 107 УПК ДНР и ст. 144 УПК РФ содержат исчерпывающий перечень познавательных процессуальных и следственных действий.

Необходимо отметить, что процессуальные действия, указанные в данных статьях, кроме познавательного характера должны иметь также удостоверяющий характер. То есть, они должны обладать свойствами допустимых доказательств и возможностью использования их в качестве таковых в уголовном деле на всех последующих стадиях уголовно-

процессуальной деятельности, вне зависимости от времени и срока их получения.

В соответствии с ч. 2 ст. 71 УПК ДНР любые фактические данные устанавливаются: показаниями подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий, протоколами с соответствующими приложениями, составленными уполномоченными органами по результатам оперативно-разыскных мероприятий, и другими документами.

Указанные фактические данные, на основании которых в определенном законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, устанавливаются и фиксируются, как правило, в результате проведения определенных следственных действий.

Перечень следственных действий, которые в соответствии с УПК ДНР могут быть проведены до возбуждения уголовного дела, крайне ограничен – осмотр места происшествия (ст. 206), наложение ареста на корреспонденцию и снятие информации с каналов связи (ст. 202). В отдельных случаях их явно недостаточно для получения достаточных доказательств, которые необходимы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Например, по делам о незаконном обороте наркотических средств, оружия и боеприпасов, и др.

Перечень следственных действий, которые в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ могут быть проведены при проверке сообщения о преступлении значительно шире и предусматривает: получение образцов для сравнительного исследования, назначение и проведение судебных экспертиз, проведение осмотров (места происшествия, документов, предметов, трупов). Такой диапазон значительно повышает познавательные возможности следователя в получении полноценных доказательств, которые необходимы для принятия решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в таковом.

Изложенное позволяет утверждать о том, что понятия «уголовное судопроизводство» (уголовный процесс) и «уголовное дело» не тождественны. Уголовное судопроизводство предшествует возбуждению уголовного дела и значительно шире его. Уголовное дело является составляющей частью уголовного судопроизводства. В случае принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела принимается процессуальное решение в форме постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, при отсутствии самого уголовного дела, поскольку оно не возбуждалось.

Кроме того, в отдельных случаях уголовное дело возбуждается не потому, что преступление уже совершено, а именно для того, чтобы установить и доказать, что оно вообще имело место.

Известно, что познавательная деятельность в уголовном процессе осуществляется не иначе, как в форме доказывания, а доказывание начинается там, где начинается процессуальная деятельность, которая урегулирована нормами УПК.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о наличии полноценного уголовно-процессуального доказывания в стадии возбуждения уголовного дела.

Также следует отметить, что во время проведения проверки заявления (сообщения) о готовящемся или совершенном преступлении устанавливаются именно доказательства, на основании которых следователь, орган дознания или прокурор принимают процессуальное решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела.

В связи с этим, полагаем, что диспозиции отдельных статей УПК ДНР требуют уточнения и изменения.

В ст. 1 УПК ДНР указать, что «Назначением Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики является определение порядка производства в уголовном процессе», а не по уголовным делам... и далее по тексту.

Статью 3. «Действие уголовно-процессуального закона» изменить и изложить в следующей редакции.

«Уголовное судопроизводство на территории Донецкой Народной Республики осуществляется по правилам настоящего Кодекса независимо от места совершения преступления.

В уголовном судопроизводстве применяется уголовно-процессуальный закон, действующий соответственно во время дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства дела.»

(часть 3 – без изменений).

Статью 71. «Доказательства» изменить и изложить в следующей редакции.

«Доказательствами в уголовном судопроизводстве являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения материалов проверки заявления (сообщения о преступлении) и уголовного дела.»

(часть 2 – без изменений).

Название ст. 104 «Поводы и основания к возбуждению уголовного дела» изменить и изложить в следующей редакции – «Поводы к началу уголовного судопроизводства»

Конкретизация диспозиции данной нормы УПК ДНР требует отдельного научного изучения и обоснования.

Часть 2 указанной статьи изложить в следующей редакции:

«Уголовное дело может быть возбуждено только в тех случаях, если имеются достаточные доказательства, указывающие на наличие признаков преступления».

Выводы.

1. Деятельность по проверке заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях регламентирована соответствующими нормами УПК ДНР и УПК РФ, поэтому является сугубо процессуальной и составной частью всего уголовного судопроизводства.

2. Регламентированная нормами УПК ДНР и РФ деятельность по принятию, рассмотрению и разрешению заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях начинается значительно ранее принятия итогового процессуального решения в форме постановления о возбуждении уголовного дела и включает в себя несколько отдельных составляющих (принятие, регистрация, проверка, принятие итогового процессуального решения)

3. Понятия «уголовное судопроизводство» и «уголовное дело» не тождественны. Уголовное судопроизводство начинается ранее принятия решения о возбуждении уголовного дела. Уголовное дело является составляющей частью уголовного судопроизводства. В случае принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела принимается процессуальное решение в форме соответствующего постановления. На этом в данном конкретном случае уголовное судопроизводство заканчивается, поскольку уголовное дело не возбуждалось.

4. В п. 56 ст. 5 УПК РФ указано, что уголовное судопроизводство – это досудебное и судебное производство по уголовному делу. В п. 9 этой же статьи указывается, что досудебное производство – это уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу.

Таким образом, в УПК РФ на законодательном уровне регламентировано начало уголовно-процессуальной деятельности, – с момента получения сообщения о преступлении.

В УПК ДНР определение понятия «уголовное судопроизводство» отсутствует, момент начала уголовного судопроизводства законодательно не регламентирован.

5. В стадии возбуждения уголовного дела в соответствии с нормами УПК ДНР и УПК РФ осуществляется полноценное уголовно-процессуальное доказывание.

6. Во время проведения проверки заявления (сообщения) о готовящемся или совершенном преступлении устанавливаются не данные, а именно доказательства, на основании которых следователь, орган дознания или прокурор принимают процессуальное решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела.

7. Процедура деятельности по доказыванию в стадии возбуждения уголовного дела процессуально отражена и регламентирована нормами как УПК ДНР, так и УПК РФ. Она имеет как общие черты, так и различия.

Процессуальная деятельность по проверке заявлений и сообщений регламентирована в ст. 144 УПК РФ более конкретно и содержит более полный

перечень познавательных процессуальных и следственных действий, необходимых для принятия итогового процессуального решения.

Такой диапазон значительно повышает познавательные возможности следователя в получении полноценных доказательств, которые необходимы для принятия решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в таковом.

Перечень следственных действий, которые в соответствии с УПК ДНР могут быть проведены до возбуждения уголовного дела, крайне ограничен – осмотр места происшествия (ст.206), наложение ареста на корреспонденцию и снятие информации с каналов связи (ст.202). В отдельных случаях их явно недостаточно для получения достаточных доказательств, которые необходимы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

8. Предлагаем дополнить, изменить или уточнить диспозиции отдельных статей УПК ДНР.

9. В ст. 1 УПК ДНР указать, что «Назначением Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики является определение порядка производства в уголовном процессе», а не по уголовным делам... и далее по тексту.

10. Статью 3. «Действие уголовно-процессуального закона» изменить и изложить в следующей редакции.

«Уголовное судопроизводство на территории Донецкой Народной Республики осуществляется по правилам настоящего Кодекса независимо от места совершения преступления.

В уголовном судопроизводстве применяется уголовно-процессуальный закон, действующий соответственно во время дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства дела.»

(часть 3 – без изменений).

11. Статью 71. «Доказательства» изменить и изложить в следующей редакции.

«Доказательствами в уголовном судопроизводстве являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения материалов проверки заявления (сообщения о преступлении) и уголовного дела.»

(часть 2 – без изменений).

12. Название ст. 104 «Поводы и основания к возбуждению уголовного дела» изменить и изложить в следующей редакции – «Поводы к началу уголовного судопроизводства»

Конкретизация диспозиции данной нормы УПК ДНР требует отдельного научного изучения и обоснования.

Часть 2 указанной статьи изложить в следующей редакции:

«Уголовное дело может быть возбуждено только в тех случаях, если имеются достаточные доказательства, указывающие на наличие признаков преступления».

13. Дополнить ст.33 УПК ДНР «Разъяснение значения терминов Кодекса» отдельными пунктами следующего содержания:

– п. 21) уголовное судопроизводство – досудебное и судебное производство по уголовному делу;

– п. 22) досудебное производство – уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу.

Указанные замечания и предложения не являются исчерпывающими, требуют дальнейшего научного исследования.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 24.08.2018 г. (в редакции по состоянию на 06.08.2021 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – (дата обращения : 20.03.2021).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в редакции по состоянию на 09.03.2022 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ – (дата обращения: 15.03.2022).
3. Мотовиловкер Я.О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты (вопросы факта и права) / Я.О. Мотовиловкер. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, – 1984. – 152 с.

УДК 343.13

С.А. Каравацкая, старший преподаватель, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: svetun1997@mail.ru)

МЕДИАЦИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается вопрос о реализации института медиации для разрешения уголовно-правовых конфликтов. Раскрыта сущность и значение института медиации в уголовном процессе.

Ключевые слова: медиация, медиативное соглашение, уголовный процесс, альтернативная процедура урегулирования конфликтов, уголовно-правовые конфликты.

Karavatskaya, S.A.

MEDIATION IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the question of the implementation of the institution of mediation for the resolution of criminal legal conflicts. The essence and significance of the institution of mediation in the criminal process is revealed.

Key words: *mediation, mediation agreement, criminal process, alternative conflict resolution procedure, criminal and legal conflicts.*

Отечественное законодательство включает медиацию в рамках гражданского и арбитражного права. Однако, несмотря на очевидную необходимость включения данного института в нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в настоящее время институт медиации отсутствует в данных областях права. Отметим, что большое количество зарубежных стран уже достаточно долгое время применяет институт уголовной медиации на практике.

Актуальность темы исследования заключается в том, в настоящее время в условиях модернизации общества возникает необходимость создания новых способов урегулирования конфликтов и защиты нарушенных прав. Одним из такого рода перспективных институтов выступает медиация (от лат. *medium* – посредничество), подразумевающая под собой разрешение конфликта между сторонами посредством участия независимого арбитра.

Анализ научных исследований. Работы, посвященные медиации в уголовном процессе, занимают значительное место в юридической науке. Так, в частности, проблемам уголовной медиации уделялось определенное внимание в трудах таких ученых-юристов, как Ю.В. Чепрасова, Н.А. Шатурина, М.В. Нагуляк, Н.Н. Апостолов, В.Н. Григорьев, А.С. Василенко, О.В. Уренева, В.Н. Перекрестов, А.В. Панов, К.Б. Мкртычева, О.В. Аллахвердова, Т.П. Глухова, А.Д. Карпенко, Ц.А. Шамликашвили, И.Г. Смирнова, О.В. Карягина, А.И. Маткина, Л.В. Яковлева, А.А. Ширкин и множества других специалистов.

Цель настоящей статьи – выявление основных особенностей медиации как правового института, исследовании медиации, как в отечественном законодательстве, так и в праве зарубежных стран, обращении к историческому опыту урегулирования конфликтов посредством альтернативных средств. Также цели заключаются в исследовании моделей и процедуры уголовной медиации, а также в определении перспектив развития медиации в уголовном судопроизводстве России.

На основе цели определены задачи исследования:

- рассмотреть понятие, содержание и значение института медиации в уголовном судопроизводстве;
- выработать возможные перспективы развития института медиации в уголовном процессе.

На современном этапе развития общество претерпевает изменения социальных связей и требует новых механизмов их построения. Вопросы практической реализации института медиации, соблюдение соответствующих норм в процессе взаимодействия сторон при содействии посредника не урегулированы в полном объеме. Особого внимания требует определение

возможности применения медиативной процедуры в целях урегулирования споров, возникающих гражданских правоотношений. Усложнение общественных отношений, интенсификация гражданского оборота предопределяют существование некоторых проблем при использовании процедуры посредничества в целях урегулирования спора, требующих определенного решения [8].

Анализ источников показал, что авторы обращают много внимания на сущность медиации как правового института, его назначение, также много исследований существует по зарубежному опыту. Многие представители научной сферы непосредственно указывали на необходимость внедрения института медиации в отечественное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, однако авторы редко обращаются к самой процедуре и механизму реализации медиации в уголовном процессе.

Процедура медиации не допускает односторонних бесконтрольных встреч, проведения встреч с иными лицами, не являющимися сторонами конфликта, тем более без уведомления об этих встречах второго участника конфликта. В рамках процедуры медиации не допускается правовое консультирование сторон, даже в контексте разъяснения правовых норм. Такие процедуры носят характер процедур восстановительного правосудия.

Медиация по своей природе является менее формальной процедурой, чем уголовное судопроизводство, и необходима для обеспечения контакта между сторонами, учета их особенностей и поиска возможного решения конфликта без жесткого контроля со стороны государства. Помимо этого, медиация способна значительно снизить нагрузку судов и правоприменительных органов.

Вышеназванные данные напрямую свидетельствуют о том, что в настоящее время в России необходимо совершенствование системы правосудия, в том числе посредством внедрения процедуры медиации в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ). Особую актуальность это приобретает в связи с направленностью уголовной медиации: ее цель состоит, в первую очередь, в восстановлении нарушенного права и компенсации вреда, а уже затем – в воспитании и наказании правонарушителя. Такой прагматичный подход вполне применим для лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести.

Медиация – это процедура разрешения споров с привлечением посредника, основной целью которой, является невынесение спора на открытое обсуждение. Главной особенностью медиации является то, что сторонам спорного правоотношения предоставляется возможность и право контролировать не только содержание решения, но и процесс его поиска и выработки. Посредник в процедуре медиации не однозначен по значимости, например, судье в судебном разбирательстве, поскольку он не обладает никакими полномочиями и не принимает обязательного решения [14, с. 65].

В науке существует следующее определение: «это переговоры с участием третьей стороны, которая заинтересована в том, чтобы конфликтующие стороны разрешили свой спор максимально выгодно для себя. Одним из главных

преимуществом медиации является то, что методом ее проявления являются переговоры, и участие в процедуре медиации возможно лишь при согласии обеих сторон» [4, с. 85].

Иными словами, медиация есть процесс разрешения спора через посредника с целью достижения согласия сторон.

Современная медиация основана на следующих принципах:

– добровольность (для лица вступление в спор является добровольным в отличие от судебных тяжб);

– беспристрастность медиатора (выбранное нейтральное лицо для разрешения спора (медиатор) беспристрастно относится к каждой из сторон и предоставляет им равные права в переговорах);

– равноправие сторон (ни одна из сторон не имеет преимуществ перед другой стороной).

Кроме того, выделяют факторы, влияющие на удачное проведение медиационных процедур. Таковыми являются:

– мотивированность обеих сторон на совместную работу, готовность учесть мнение посредника, принять предлагаемое им решение;

– настойчивость в действиях медиатора;

– степень напряженности конфликта;

– длительность конфликта (продолжительные конфликты менее поддаются регулированию, чем скоротечные);

– характер отношений сторон (чем сложнее, напряженнее взаимоотношения, тем менее эффективно посредничество);

– адекватность применяемых тактик и техник урегулирования конфликтов особенностям конкретной ситуации.

Медиатор – это ядро данного способа разрешения конфликтов, являясь при этом незаинтересованной, нейтральной стороной спора, которая выбирается по соглашению конфликтующих, а также ведет переговоры с каждой из сторон для того, чтобы прийти к компромиссу, который удовлетворит требования каждой стороны.

Официальное определение процедуры медиации закреплено в Федеральном законе № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», который вступил в законную силу с 1 января 2011 года (далее – Закон о медиации). Процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [1].

Медиация имеет защитный, а точнее, правообеспечительный характер, так как обеспечивается надлежащая правореализация. Как способ самозащиты медиация обладает смешанным характером, реализуясь в фактических и юридических действиях.

Интеграция медиации – это устойчивая тенденция современной правовой практики. Знание юристом основ способов альтернативного разрешения споров

вообще и медиации в частности, информирование о возможностях альтернативного разрешения споров лиц, обратившихся за правовой помощью, раскрытие преимуществ процедуры медиации становится неотъемлемой частью профессиональной компетентности представителей юридической профессии. Все это говорит о том, что формирование и развитие примирительных процедур в современной России рассматривается как одно из приоритетных направлений дальнейшей эволюции российского правосудия [15, с. 60].

Исходя из анализа сущности медиации как правового института, рассмотрим возможность применения медиации непосредственно в уголовном процессе. При упоминании выражения «применение медиации в сфере уголовно-правовых отношений» первое, что приходит на ум практически любому юристу – это примирение лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, с потерпевшим, с выполнением обязательного условия такого процесса, как заглаживание причиненного потерпевшему вреда (ст. 76 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ)) [2].

Согласно ст. 25 УПК РФ процессуальным документом данного действия является постановление следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон [3]. Понятно, что окончательный вердикт по уголовному делу выносит суд, поскольку он компетентен, и не обязан соглашаться с таким развитием событий.

Ученые в области уголовного процесса полагают, что медиацией в уголовном процессе является система медиативных приемов, применяемых судьей в ходе рассмотрения уголовных дел небольшой и средней тяжести с целью прекращения уголовно-правового конфликта по воле сторон [9, с. 112].

Кроме того, существуют и другие определения медиации в уголовном процессе: «...это упорядоченная совокупность определенных методов, используемых специальными субъектами – медиаторами в целях достижения соглашения и разрешения по взаимному волеизъявлению конфликтующих сторон возникшего уголовно-правового конфликта применительно к строго обозначенной категории уголовных дел небольшой и средней тяжести» [13, с. 157]. Определение процедуры медиации в целом, а также процедуры медиации в уголовном процессе достаточно схожи, отличительна лишь отрасль права, в рамках которой реализуется медиация.

Реализация института медиации в уголовном процессе будет способствовать масштабному оказанию посреднических услуг в разрешении уголовно-правовых конфликтов, запуску механизма примирения сторон с участием медиатора, быстрому и своевременному принятию мер к подросткам, склонным к правонарушениям [12, с. 3].

Примирение сторон и прекращение уголовного дела является желаемым результатом уголовно-процессуальной медиации. Следует сказать, что на сегодняшний день медиация не отражена в уголовно-процессуальном законодательстве, однако существует объективная необходимость внедрения медиации в УПК.

По мнению А.А. Арутюняна, система «восстановительной юстиции» обрела особую актуальность в семидесятые годы прошлого века. Такая система подразумевает под собой систему знаний об урегулировании споров, являющихся следствием незаконного деяния. В качестве основы такой системы выступает идея, согласно которой сторонам необходимо достигнуть согласия для восстановления нормального порядка, имевшего место до совершения незаконного деяния [5, с. 11].

Такая система предполагает, с одной стороны, восстановление нарушенных прав лица, в отношении которого было совершено противоправное деяние, а с другой – воспитание правонарушителя.

Как полагал А.А. Арутюнян, сама концепция восстановительного правосудия изначально основывалась на использовании механизмов, альтернативных уголовному преследованию, основанных на примирении сторон конфликта и позволяющих разрешать уголовно-правовые коллизии с наибольшим положительным эффектом для сторон.

Правовая возможность института примирения последовательно расширяется законодателем (исключение из ст. 25 УПК РФ условия о возможности примирения с лицом, совершившим преступление впервые; возможность прекращения и при совершении преступлений средней тяжести; отнесение к средней тяжести любых преступлений, совершенных с неосторожной формой вины; отнесение к преступлениям небольшой тяжести умышленных деяний, максимальное наказание за которые санкция статьи не превышает трех лет лишения свободы; предоставление суду права снизить категорию противоправного деяния на один шаг), но практическая реализация существующего закона в настоящее время полностью зависит, к сожалению, от субъективного мнения должностного лица или коллектива должностных лиц.

Для более максимально широкого применения института примирения сторон по уголовному делу, для создания условий унифицированного применения альтернативных процедур разрешения уголовных конфликтов назрела необходимость введения в отечественное уголовное судопроизводство уголовно-правовой медиации [11, с. 133].

В целях законодательного закрепления исследуемого института необходима достаточно полная регламентация медиативной процедуры и, разумеется, определение уполномоченного лица, в компетенцию которого бы входило разрешение возникающих конфликтов. Медиатор или посредник как раз выступает в качестве такого лица. Как отмечается в научной литературе, медиатором считается лицо, прошедшее специальную подготовку и способное вести переговоры между потерпевшим и подозреваемым, обвиняемым [12, с. 3].

Особый интерес заслуживает мнение В.С. Каменкова, который делает акцент на ряде положительных сторон участия медиатора в уголовном процессе. Приоритетные моменты таковы:

– нейтрализация двухсторонних, многосторонних конфликтов между участниками уголовного процесса;

- решение наиболее спорных вопросов, касающихся разрешения гражданского иска;
- содействие в нахождении путей, средств и приемов осуществления эффективной и конструктивной совместной деятельности в целях решения задач уголовного процесса, а также обеспечения законных прав и интересов личности и государства;
- помощь в возмещении ущерба;
- помощь в установлении надлежащего гражданского истца, надлежащего гражданского ответчика;
- содействие в обеспечении защиты законных прав и интересов спорящих сторон;
- содействие всем лицам, участвующим в следственном действии, с целью нормализации психологической ситуации и создания условий для конструктивного взаимодействия лиц с конфликтующими интересами, в том числе добросовестных (недобросовестных) с целью выработки совместных решений [7, с. 82].

Что касается вопроса использования института медиации при проведении следственных действий, то это предопределено тенденциями возникновения межличностных конфликтов, причины которых кроются в различных субъективных и объективных обстоятельствах. От разрешения межличностных конфликтов, как отмечает А.А. Елисеева, зависит эффективность защиты законных прав и интересов личности и государства в уголовном процессе. Исходя из этого, приоритетной задачей медиации является помощь сторонам в нахождении взаимоприемлемых решений и урегулированию спора, а не в выяснении, кто из сторон виноват, а кто прав в конкретной ситуации [6, с. 36].

Исходя из опыта зарубежных стран, было бы целесообразно дополнить УПК РФ статьей, закрепляющей обязанность прокурора при проверке законности и обоснованности возбуждения уголовного дела рассматривать вопрос о возможности уголовно-правовой медиации, если такая мера способна обеспечить возмещение вреда, причиненного потерпевшему, положить конец конфликту, ставшему следствием преступного деяния.

И хотя на сегодняшний день процедура медиации не нашла законодательного закрепления в уголовно-процессуальных нормах, как уже отмечалось ранее, определенная база для формирования и введения данного института присутствует в УПК РФ. К примеру, ст. 25 УПК РФ регламентирует возможность правоприменителя прекратить дело в отношении подозреваемого или обвиняемого в преступлении небольшой или средней тяжести, если лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред (ст. 76 УК РФ). В таких ситуациях адвокаты выступают в качестве медиаторов, но цель адвоката – это защита интересов доверителя, в то время как медиатор выступает как независимое третье лицо. В этом заключается основное различие правового статуса названных участников процесса.

В уголовном процессе имеется большой круг дел, по которым обвиняемый и потерпевший вступают в переговоры для того, чтобы найти

компромиссное решение. Объяснением этому может быть наличием смягчающего обстоятельства в виде добровольного возмещения вреда (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Таким образом, мы считаем, что закрепление процедуры медиации в уголовно-процессуальном законодательстве окажет благотворное влияние на разрешение уголовно-правовых конфликтов, а также будет содействовать быстрому и своевременному разрешению конфликтов и примирению сторон.

Однако, закрепляя процедуру медиации в рамках УПК РФ, следует учитывать следующие обстоятельства:

– закрепление института медиации в уголовном судопроизводстве влечет за собой необходимость совершенствования УПК в целом с целью определения процессуального статуса медиатора, его прав, обязанностей и ответственности, прав и обязанностей сторон, самой процедуры медиации, ее правовых последствий и многих других вопросов, в частности – взаимодействие медиации и других уголовно-процессуальных институтов. За основы таких нововведений можно брать существующие положения Закона «О медиации»;

– крайне важно закрепить уголовно-процессуальное значение соглашений, достигнутых путем медиации, а также определить полномочия представителей правоохранительных и судебных органов в этой сфере;

– считаем, что институт медиации может применяться только по делам небольшой и средней тяжести, в которых не наносится существенного вреда наиболее защищенным общественным отношениям;

– при внедрении медиации в уголовно-процессуальное законодательство важно учитывать аналогичный опыт в других отраслях права. Например: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, в которых существует норма, запрещающая допрос медиаторов в качестве свидетелей, в связи с чем, по нашему мнению, актуально дополнение схожим положением о запрете допроса медиатора в ч. 3 ст. 56 УПК РФ, если институт медиатора будет введен в уголовно-процессуальное законодательство.

Выводы. Исходя из вышеизложенного следует, что медиация в уголовном судопроизводстве в настоящее время законодательно не закреплена, однако существует объективная необходимость ее введения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Сама логика альтернативных механизмов судопроизводства требует введения в процедуру уголовно-процессуальной медиации отдельного предусмотренного законом института (не связанного с органами судебной власти и расследования), уполномоченного на активные действия по примирению участников конфликта и формулирование юридически значимого решения в виде письменного заключения (медиативного соглашения), фиксирующего наличие оснований для примирения участников конфликта и факт такого примирения.

Подводя итог рассмотрения процедуры медиации в уголовном процессе, следует заметить, что включение процедур медиации в уголовное судопроизводство требует решения ряда важных вопросов, в частности – о

фигуре медиатора и роли в примирении сторон суда и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование.

Также необходимо подчеркнуть, что процедура примирения и восстановления нарушенного права в рамках уголовного процесса требует по аналогии с примирительными процедурами в гражданско-правовых и арбитражных спорах использования фигуры медиатора – физического лица или общественной организации, уполномоченных на действия по примирению участников уголовно-правового конфликта и фиксации факта примирения.

Список литературы

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон Российской Федерации: принят Государственной Думой 27 июля 2010 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ – (дата обращения: 01.12.2022).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. (в редакции от 24.09.2022 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 – (дата обращения: 01.12.2022).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. (в редакции от 07.10.2022 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 – (дата обращения: 05.12.2022).
4. Абдулкадыров У.У. Понятие и значение медиации / У.У. Абдулкадыров // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 2. – С. 85.
5. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2012. – С. 11.
6. Елисеева А.А. Институт медиации в условиях инновационного развития российского общества / А.А. Елисеева // Журнал российского права. – 2011. – № 9. – С. 36.
7. Каменков В.С. Основные положения проекта закона «О медиации» / В.С. Каменков // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2013. – № 2. – С. 82-85.
8. Каравацкая С.А. Институт медиации, и особенности её проведения / С.А. Каравацкая // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки: сборник научных трудов. – Вып. 21. – Донецк : ДЮА, 2022. – С. 35-44. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://donbassla.ru/sites/default/files/documents/vestnik_21-2022-opt.pdf – (дата обращения: 05.12.2022).
9. Маткина Д.В. Перспективы развития конвенциональной формы уголовного судопроизводства и конвенциональной формы внесудебного разрешения уголовно-правового спора (медиации) в России / Д.В. Маткина // Вестник ОГУ. – 2010. – № 3 (109). – С. 112.

10. Оганов К.К. Медиация в уголовном процессе Российской Федерации / К. К. Оганов. // Молодой ученый. – 2021. – № 23 (365). – С. 225-227. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/365/81041> (дата обращения: 05.12.2022).
11. Савченко А.Н. Медиация в уголовном процессе / А.Н. Савченко, О.В. Уренева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 25 (380). – С. 133.
12. Салмина С.Г. К вопросу об институте медиации в уголовном процессе / С.Г. Салмина // Вестник Югорского государственного университета. – 2017. – №1 (44). – С. 3.
13. Сизова В.Н. Медиация в уголовном праве: вопросы определения понятия / В.Н. Сизова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1. – С. 157.
14. Шамликашвили Ц.А. Основы медиации как процедуры урегулирования споров: Учебное пособие / Ц.А. Шамликашвили // Москва : Межрегиональный центр упр. и политического консультирования, – 2013. – С. 123.
15. Худойкина Т.В. Медиация как альтернативный способ разрешения юридического конфликта / Т.В. Худойкина // European Research: Innovation in Science, Education and Technology // European research – № 5 (16) 2016. – С. 72-73. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26190477> (дата обращения: 05.12.22).

УДК 342.951

А.А. Картамышев, аспирант, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: alexanderkart1981@gmail.com)

А.А. Николаев, канд. юрид. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: nikolaev_alex02@mail.ru)

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

В статье определены параметры, характеризующие сущность кластерной политики, дано обширное пояснение термина, определены классифицирующие признаки различных форм кластерной политики и разъяснены их отличительные черты.

Ключевые слова: *администрирование, государство, государственное управление, кластер, кластерная политика, нормативно-правовое регулирование.*

**Kartamyshev, A.A.,
Nikolaev, A.A.**

THE CONCEPT AND CLASSIFICATION OF STATE CLUSTER POLICY

The article defines the parameters characterizing the essence of cluster policy, gives an extensive explanation of the term, defines the classifying features of various forms of cluster policy and explains their distinctive features.

Key words: *administration, state, public administration, cluster, cluster policy, regulatory regulation.*

Актуальность темы исследования. Современные условия конкурентной борьбы на международных рынках, применение различного рода санкционных давлений на национальные экономики требует от органов государственного управления применения новых методик администрирования в экономической сфере. В данном направлении широкое распространение получил кластерный подход развития национальной и региональной промышленности. Его применение, позволяет решать широкий спектр задач по обеспечению национальной конкурентоспособности, разработке программ регионального развития, усилению мер экономической безопасности, стимулированию инновационной деятельности, а также организации эффективного взаимодействия государства, бизнеса, науки. В свою очередь, комплекс организационно-управленческих решений, формирование правовой базы и механизма государственного контроля над внедрением подобного подхода является базисом кластерной политики государства.

Анализ научных исследований. Кластерная политика начала активно изучаться как в юридической, так и в экономической науках в конце XX века непосредственно вместе с понятием кластер.

Ее сущность и реализацию в рамках государственного управления экономическими процессами рассматривали ряд зарубежных и отечественных ученых, среди которых М. Портер, А. Скотч, О. Солвель, Е. Хилл, Т.А. Кристенсен, Ф. Фукуяма, Т. Андерсона, Т.М. Калашникова, Д.С. Соколова, А.А. Румянцева, Р.А. Щинова, Л.А. Суворова, Л.Л. Заушицына, В.В. Карпов, О.М. Трофимова, Н.А. Корчагина и ряд других

По мнению М. Портера кластерная политика – это государственная политика, нацеленная на развитие кластеров и рост национальной конкурентоспособности [4].

Как средство реализации кластерной стратегии, которая формализуется через определенные государственные программы, кластерную политику понимали также О. Солвель, Е. Хилл [12], Т.А. Кристенсен [11].

Понимание кластерной политики как комплекса государственных мер по развитию кластеров в определенном регионе отображено в исследованиях Ф. Фукуямы [8] и Т. Андерсона [10].

В понимании Т.М. Калашниковой [1], кластерная политика – процесс формирования кластерной структуры развития региона.

А.А. Румянцева, исследуя кластерную политику, считает, что региональные органы законодательной и исполнительной власти проводят совокупность плановых мероприятий (инвестиционных, финансовых

механизмов, информационной поддержки и мер нормативно-правового обеспечения), которые направлены на создание и поддержку развития кластеров на определенных территориях [5].

Р.А. Щинова, Л.А. Суворова, Л.Л. Заушицына, отмечали, что органы власти, коммерческих структур, образовательных и научно-исследовательских учреждений, а также другие участники кластера при формировании благоприятных условий бизнес-среды для развития кластера и повышения эффективности деятельности всех его элементов, предпринимают совместные, целенаправленные, закрепленные документально действия, которые и являются фундаментом кластерной политики государства [9].

В.В. Карпов под кластерной политикой подразумевает комплекс мер организационного и регулятивного характера, применение которых направлено на устранение барьеров для обмена знаниями и навыками, а также мешающих эффективному взаимодействию и установлению взаимосвязи между участниками кластера [2].

Цель исследования – определение основных составляющих понятия кластерной политики государства, а также признаков и оснований ее классификации.

Изложение основного материала. В широком понимании, кластерная политика конкретного государства или региона является комплексом мер, предпринимаемых органами государственного администрирования по оказанию поддержки кластерам и кластерным инициативам, что обеспечивает рост конкурентного преимущества кластерообразующих предприятий, регионов, способствует развитию институтов, обеспечивающих формирование и функционирование кластеров, созданию инноваций и их внедрения.

Кластерная политика изменяет содержание государственной промышленной политики, создавая организационно-управленческий механизм, способствующий углублению экономических связей между государством, производителями, поставщиками и потребителями.

Исследуя сущность кластерной политики, можно выделить ряд параметров, характеризующих и позволяющих провести ее анализ, что отображено в табл. 1.

Таблица 1

Параметры, характеризующие сущность кластерной политики

Параметр, характеризующий кластерную политику	Содержание параметра
Как политика государства	Создание административных программных документов, в соответствии с нормативно-правовыми актами осуществляется органами государственной власти, независимо от уровня (государственный, региональный или местный).

Как комплекс мероприятий и мер	Кластерная политика строится на общих положениях или направлениях развития, ее характеризует наличие программного комплекса мер, предполагающих реализацию развития кластерного образования.
Кластерная политика – смешанная форма	Объединяет другие виды политики, такие как промышленная, региональная, инновационная и прочие.
Нацеленность на развитие кластеров	Направлена на обеспечение роста показателей кластерного развития территории.
Нацеленность на рост конкурентоспособности	Включает рост конкурентных преимуществ кластера, участников, сектора или территории (региона)
Нацеленность на развитие инноваций	Характерно для современного периода. Кластер – структура инновационной сферы, производящая инновационную продукцию, обеспечивающая инновационное развитие территории.
Нацеленность на развитие малого и среднего бизнеса	Кластер очень часто формируется из представителей подобных категорий хозяйствующих субъектов.
Нацеленность на экономическое развитие территории	Кластеры – «локомотив» территориальной экономики. Одной из задач кластерной политики может быть установлено социальное развитие, которое включает в себя рост занятости и заработной платы населения, развитие социальной инфраструктуры, рост уровня жизни в целом.
Нацеленность на развитие кооперации	Подразумевает стимулирование процесса кластеризации, укрепление связей между участниками, расширение их взаимодействия, что повышает эффективность их функционирования.
Нацеленность на развитие потенциала региона	Способствует максимально эффективному развитию возможностей региона и накоплению новых преимуществ.

Кроме указанных в таблице 1, можно выделить такие характеризующие кластерную политику параметры, как: создание благоприятной среды для развития и функционирования кластерных образований; устранение ограничений, препятствующих эффективному функционированию и развитию

кооперации; координация работы участников кластеризационных процессов и развитие кластерного образования в целом.

Анализируя ранее отображенные позиции, можно синтезировать следующее понятие *кластерной политики*: политика государства, представляющая собой систематическую и непрерывную деятельность органов государственной власти, нацеленная на реализацию комплекса мер административно-правового характера по улучшению бизнес-климата, развитие кластеров и кооперационных связей между их участниками, внедрение инновационных технологий, а также усиление конкурентоспособности и эффективности социально-экономического развития регионов и сфер хозяйственной инфраструктуры страны.

Целесообразность, иерархичность, комплексность, дифференцированный подход, согласованность и взаимная увязка, координация, системность, стимулирование и поддержка – основные принципы кластерной политики.

Главная цель реализации кластерной политики – создание такого набора средств правового и управленческого содействия развития кластерных структур и их институтов со стороны государственного административного аппарата, которые бы способствовали увеличению темпов экономического развития, повышению конкурентных преимуществ промышленности государства в целом и регионов в частности, а также распространению инноваций и привлечению инвестиций. При реализации цели кластерной политики государственные органы осуществляют следующие задачи:

- популяризация и продвижение применения кластерного подхода;
- создание благоприятных административно-правовых и организационных условий для эффективного функционирования и развития кластерных образований, развития инфраструктурных проектов, а также ускорения внедрения инноваций и обмена знаниями;
- содействие различным формам кооперации (в том числе международной научно-технической и производственной) и взаимодействие в пределах кластеров, что должно обеспечить увеличение конкурентного преимущества за счет эффекта совместной деятельности;
- увеличение инвестиционной активности и привлечение квалифицированных работников в кластерные структуры;
- разработка, внедрение и реализация кластерных программ и системы оценки эффективности кластерной политики при участии научного потенциала региона;
- определение потенциала региона для реализации в нем кластерного подхода развития промышленности и выявление территориальных кооперативных образований, способных стать потенциальными кластерами.

Субъекты проведения кластерной политики – это, безусловно, органы государственной публичной власти, наделенные функциями и полномочиями разработки и внедрения общеобязательных норм и правил. К ним следует отнести органы власти государственного, регионального и местного уровня, а

для транснациональных и международных кластеров – наднациональные институции.

Объект кластерной политики – отношения в сфере конкурентоспособности экономических систем, развития национальной и региональной промышленности и создания кооперационных объединений [5].

Направлениями реализации кластерной политики в системе государственного управления являются:

– разработка программ «кластерной инициативы» (планирование фискальных и инвестиционных привилегий для создания условий, способствующих возникновению и развитию кластеров в определенном регионе, а также присоединения к ним новых участников – хозяйствующих субъектов);

– запуск механизма кластерного партнерства (цель – побудить кластеры активизировать сотрудничество между регионами и секторами, объединить ресурсы и знания для конкретной совместной работы над совместными стратегиями, стимулировать экономический рост и конкурентоспособность);

– создание управляющей компании кластерного образования или содействие ее созданию и развитию;

– развитие логистической сети в регионе функционирования кластера;

– внедрение нормативно-правового механизма, регулирующего общественные отношения в сфере кооперации, координации и функционирования кластеров;

– использование принципов государственного частного партнерства.

Кластерная политика является мощным подходом к повышению устойчивой конкурентоспособности в регионах. Её применение государством направлено на привлечение инвестиций налогоплательщиков таким образом, чтобы максимизировать отдачу, что считается наиболее релевантным (например, увеличение количества новых или обеспеченности существующих рабочих мест, увеличение налоговых поступлений, улучшение качества жизни). Это означает, что при разработке и внедрении подобной политики необходимо быть осведомленным о потребностях кластеров в поддержке, а также о потенциале, который обещают инвестиции – будь то в денежной или натуральной форме. Значение, придаваемое кластерной политике, и ее форма должны быть адаптированы к конкретным обстоятельствам. Среди множества переменных, которые можно было бы принять во внимание, следующие оказывают или должны оказывать существенное влияние на кластерную политику:

– характеристики кластера,

– его положение на рынке,

– факторные условия, влияющие на развитие кластера.

Важным аспектом, который подлежит учету при разработке механизма кластерной политики, является то, что кластеры возникают в результате рыночного процесса, отражающего решения, принимаемые компаниями относительно их местоположения, и различия в успехе в разных регионах. Государственные органы, ответственные за имплементацию данной политики

мотивированы признанием того, что этот рыночный процесс подвержен сбоям рынка и сильно зависит от выбора формы и вида политики.

Различие административно-правовых систем государственного управления в государствах способствует формированию достаточно сильно различимых форм кластерной политики в разных странах и регионах. В связи с этим в научной литературе также встречаются достаточно разнообразные разработки классификации кластерной политики.

Заслуживает внимание точка зрения И.В. Пилипенко, который выделяет два поколения кластерной политики [3]. Для первого поколения характерен комплекс мер, осуществляемых органами власти по идентификации кластеров, определению поля деятельности формирующих их фирм, созданию государственных органов и политики поддержки кластеров на национальном и региональном уровне (встречается в государствах с высокой степенью развитости традиционных производств – Греция, Испания, Италия, Нидерланды, Португалия). Второе поколение предусматривает, что основой развития кластеров являются знания о функционировании в стране и регионе подобных образований, а также индивидуальный подход к решению проблем развития каждого кластера в отдельности (государства с высоким уровнем жизни – Австрия, Великобритания, США, Финляндия, Швейцария, Швеция).

Взяв за базис современную европейскую классификации, Р.Ю. Сорока предложил выделить 3 типа кластерной политики [6]: политика содействия; политика развития сетей; политика роста.

С учетом различных классификационных признаков и критериев, может быть предложена такая типологизация кластерных политик:

1) Использование инструментов поддержки: каталитическая (государство выступает инициатором процесса кластеризации, его административное воздействие состоит в том, чтобы оказать содействие заинтересованным сторонам, при этом оказывая незначительную финансовую поддержку на этапе реализации, в дальнейшем устраняясь от прямого воздействия на деятельность образования); поддерживающая (органы государственной публичной власти разрабатывают административно-правовой механизм, реализуют программу инвестирования и развития инфраструктуры региона с целью активизации процессов кластеризации); директивная (государственная поддержка реализуется за счет внедрения программ развития кластеров); интервенционистская (прямое управленческое воздействие и вмешательства в процесс кластеризации органами государственной власти, реализацию управленческих функций над процессом кластеризации, именно органы государственной власти определяют его специализацию и осуществляют контроль над кластерными образованиями).

2) Влияние государственного аппарата на реализацию кластерных проектов: континентальная (дирижистская) и англосаксонская (либеральная). Отличие заключается в направленности участия государства в реализации кластерных проектов. Для англосаксонской модели (применяется в большинстве

развитых стран) характерно: органы государственной власти формируют и реализуют программы стимулирования развития кластеров.

3) Уровень территориально-промышленного формирования: государственная; региональная; отраслевая.

4) Уровень реализации задач промышленного развития: глобальная; стратегическая; тактическая.

5) Территориальный масштаб охвата: региональная (реализуется в пределах определенного региона государства); межрегиональная (осуществляется на общегосударственном уровне); межгосударственная (на данный момент распространена в странах ЕС, а также применяется крупными транснациональными корпорациями и финансово-промышленными группами). Кроме того, по данному же признаку можно выделить отраслевую и межотраслевую кластерные политики. Их отличие в том, что отраслевая направлена на повышение конкурентных преимуществ предприятий одной конкретной отрасли, а межотраслевая имеет направленность регионального уровня и предусматривает постепенное развитие как различных отраслей, так и объектов социальной инфраструктуры.

6) Направление реализации политики со стороны государственных органов: политика поддержки зарождающихся кластеров и политика развития кластерных структур на основе обобщенного опыта.

7) Приоритет направлений воздействия на кооперативное объединение: политика посредничества; политика стимулирования спроса; образовательная политика, политика стимулирования внешних связей; политика создания благоприятных условий.

8) Ориентация цели: кластерная политика, направленная на стимулирование кластерных инициатив; политика содействия искусственному созданию кластеров; политика поддержки для региона, национальной промышленности, отраслевых проектов; политика создания и развития инновационных технологий и продуктов.

Выводы. Систематическая непрерывная деятельность органов государственной власти и применение ими управленческих технологий по отношению к кластерным образованиям рождает новый тип государственной политики – кластерную политику государства. Её реализация способствует улучшению бизнес-климата для усиления конкурентоспособности и эффективности социально-экономического развития отдельных регионов и сфер хозяйственной инфраструктуры страны. Соответственно, совершенствование административного и правового механизма кластерной политики является перспективным направлением для дальнейших изысканий в сфере государственного управления экономическим развитием.

Список литературы

1. Калашникова Т.М. Кластерна політика у сфері людського розвитку / Т.М. Калашникова // Науковий вісник Херсонського державного університету. – 2015. – № 2. – С. 141-148.

2. Карпов В.В. Кластерная политика в экономике России / В.В. Карпов, В.В. Лизунов // Национальные приоритеты России. – 2009. – № 1. – С. 116-130.
3. Пилипенко И.В. Кластерная политика в России / И.В. Пилипенко // Общество и экономика. – 2017. – № 8. – С. 28-64.
4. Портер. М. Конкуренция / М. Портер; пер. с англ. – Москва : Издательский дом «Вильямс», 2002. – 496 с.
5. Румянцева А. А. Кластерная политика как стратегия регионального развития / А. А. Румянцева // Вопросы политологии. – 2014. – № 3 (15). – С. 52-62.
6. Сорока Р.Ю. Промислова політика та кластеризація економіки / Р.Ю. Сорока // Державне управління: удосконалення та розвиток. – 2010. – №2. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dy.nauka.com.ua/?op=1&z=104103> (дата обращения 09.12.2022).
7. Трофимова О.М. Методика формирования кластерной политики в старопромышленном регионе / О.М. Трофимова // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. – Екатеринбург, – 2011. – № 4. – С. 18-21.
8. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI в. / Ф. Фукуяма. – Москва : АСТ Издательство АСТ, – 2006. – 76 с.
9. Щинова Р.А. Кластерная политика как инструмент повышения конкурентоспособности региона / Р.А. Щинова, Л.А. Суворова, Л.Л. Заушицына // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2015. – Т. 14. – № 3. – С. 457-473.
10. Andersson, T. The Cluster Policies. Whitebook. / T. Andersson, S. Schwag. – Malmö: IKED – 2004. – 266 p.
11. Christensen, T.A. Let's make a perfect cluster policy and cluster programme / T. A. Christensen. – Berlin: VDE, 2012. – 55 p.
12. Hill, E. A methodology for Identifying the Drivers of Industrial Clusters: The Foundation of Regional Competitive Advantage / E. Hill, J. Brennan // Economic Development Quarterly. – 2000. – Vol. 14, 1. – P. 65-96.

УДК 347.122:004

Е.А. Матвиенко, канд. юрид. наук, доцент, Донецкий национальный университет (г. Донецк)

(e-mail: k.matvienko@donnu.ru)

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье рассматривается вопрос реализации установленных прав и свобод человека в Интернет-среде, которая в современных условиях представляет собой не только технологическую систему, но и выступает социокультурным феноменом. В то же время, с учётом возрастающей роли сети Интернет, необходимо учитывать и существующие в данной сфере риски,

в том числе угрозы, связанные с нарушением гарантированных со стороны государства прав и свобод.

Ключевые слова: права человека, поколения прав человека, право на доступ в Интернет, право на свободное получение и распространение информации, реализация права на свободу слова в Интернете.

Matvienko, E.A.

THE PROBLEM OF REALIZATION AND PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS ON THE INTERNET

The article deals with the issue of the implementation of the established human rights and freedoms in the Internet environment, which in modern conditions is not only a technological system, but also a socio-cultural phenomenon. At the same time, taking into account the increasing role of the Internet, it is necessary to take into account the existing risks in this area, including threats related to the violation of rights and freedoms guaranteed by the state.

Key words: human rights, generations of human rights, the right to access the Internet, the right to freely receive and disseminate information, the realization of the right to freedom of speech on the Internet.

Актуальность темы исследования. Одним из особых элементов правовой системы любого государства выступает институт прав и свобод человека. Положение «человек, его права и свободы – высшая ценность» получило свое закрепление в основном законе государства – Конституции Российской Федерации (далее – РФ), что подчёркивает значение реализации и осуществление защиты указанного института в условиях постоянных изменений цивилизационного и геополитического характера. Так, современное общество претерпевает масштабные трансформации во всех его сферах жизнедеятельности. На фоне возникающих изменений бурный рост информационных технологий и происходящий процесс информатизации способствует развитию информационных потребностей общества как ответ на вызовы современности. В связи с такой интеграцией общества в прогрессирующий новый мир, человечество вступило в активные коммуникативные отношения посредством использования возможностей глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Указанный феномен подтверждает и факт того, что комплекс прав человека не статичен, а динамичен и подвержен постоянному развитию, усовершенствованию, детерминирует изменения потребностей в обществе, в том числе в определении прав, возникающих в современных условиях.

По данному поводу, вполне справедливым является мнение таких авторов как Т.В. Абрамова, В.В. Загородний, которые указывают что: «...представление о правах человека меняются во времени и пространстве. С развитием правовой и философской мысли возникают новые права, происходит уточнение содержания ранее существовавших прав в свете новых реалий» [1, с. 16].

Глобальная сеть открывает новые способности для человека, связанные с реализацией своих интересов, получением огромного массива информации различного характера, осуществлением общения с помощью различных

мессенджеров и т.д. Государство же, посредством апробации нового виртуального пространства, получило возможность к реализации своих государственно-властных функций путём взаимодействия со своим населением в информационной среде.

По справедливому высказыванию М.С. Саликова и С.Э. Несмеяновой, «...вопросы быстрого развития возможностей Интернета, оперирования большими объемами данных, внедрения цифровой экономики, все большего вовлечения граждан в среду информационно-телекоммуникационных технологий не только стали социальной, экономической, политической, культурной данностью, но и приобрели правовые оттенки» [2].

Так, данное явление также породило ряд дискуссионных вопросов, в числе которых расширительное толкование терминов, связанных с особенностями складывающихся правоотношений, а также проблемы обеспечения эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина в процессе осуществления ряда потребностей в сети Интернет.

При этом необходимо учитывать, что процесс реализации указанных прав и свобод должен сопровождаться с сохранением высокого уровня гарантий, установленных как на уровне национального законодательства, так и закрепленных в основополагающих международно-правовых актах.

Анализ научных исследований. Проблемы реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина всегда были в центре внимания юридической науки. В связи с этим в научной литературе общей теории и истории права огромное количество трудов посвящены данной проблематике, среди которых следует выделить работы таких авторов, как П.В. Анисимов, С.С. Алексеев, С.А. Авакьян, В.С. Афанасьев, А.Г. Бережнов, Н.А. Богданова, А.В. Борисов, С.Н. Братусь, В.Н. Кудрявцев, В.А. Мальцев, А.В. Малько, Н.И. Матузов, В.С. Нерсисянц и другие. Содержание права на информацию, а также свободы слова анализировались в работах следующих исследователей: В.Г. Елизарова, ЛЛ. Ефимова, А.А. Малиновский, В.Н. Монахов, В.Н. Снетков, В.С. Хижняк, Л. Якимова и др.

Цель научной статьи состоит в проведении комплексного анализа содержания категории «права и свободы человека в сети Интернет», а также разработка рекомендаций по усовершенствованию данного института в действующем законодательстве.

Основное содержание. Как и любое достижение науки, информатизация общества несет в себе как положительные, так отрицательные черты. С развитием современных технологий, человечество столкнулось с новыми типами угроз, жизнь индивида становится более уязвимой в части вмешательства в сферу частной жизни, появления так называемого «кибербуллинга» в социальных сетях, увеличения количества случаев интернет-мошенничества, распространения недостоверной информации, которая может порождать угрозу для национальной безопасности государства и т.д.

В связи с этим, перед государством, как главным механизмом нейтрализации негативных аспектов в обществе и пресечения нарушения

гарантированных прав и свобод, должен возникать вопрос об ограничении прав, реализуемых с помощью виртуального пространства, и допустимых пределов данного ограничения. Важным моментом также должна выступать разработка процедуры и методов ограничения прав в Интернете. Эти и другие вопросы должны быть разрешены законодателем.

Исходя из вышесказанного, прослеживается прямая связь между обеспечением и реализацией прав и свобод человека, в частности, права на неприкосновенность частной жизни, права на свободу слова, права на свободное осуществление данных прав во всемирной сети без каких-либо ограничений, которые противоречат основополагающим нормативным правовым актам в сфере прав человека.

Стоит акцентировать внимание на вопросе обеспечения права на свободу слова. Так, категория «свобода» – это необходимое условие для обеспечения социальных прав человека [7]. Данное понятие по своей природе является «многозначным», абстрактным, относительным, часто употребляемым не только в научном, но и в политическом лексиконе.

Стоит согласиться с мнением В.С. Нерсесянца, который отмечает, что свобода при всей кажущейся простоте – предмет сложный и для понимания, и тем более для практического воплощения в формах, нормах, институтах, процедурах и отношениях общественной жизни [8, с. 23]. Однако важной для нас представляется трактовка категории «свобода» как сущностной характеристики права.

В международных актах и национальном законодательстве, как уже отмечалось ранее, утвердилась формула «права и свободы человека». Исходя из указанной конструкции «свобода» используется для определения прав человека и гражданина в области духовной, творческой деятельности и личной неприкосновенности [5, с. 457].

В юридической литературе наиболее остро ведутся дискуссии относительно того, к какой категории прав следует относить право на «свободу» слова. Так, одна группа исследователей свою позицию основывает на том, что свобода слова по своей природе должна входить в группу личных прав, другие же, отрицая данную позицию, придают лишь политическое значение данному явлению. Вместе с тем определение свободы слова как личного (гражданского) или политического права – это не только вопрос критериев, но и вопрос понимания сущности свободы слова, сущности того блага, которое она гарантирует человеку, а также выявление роли и значения данной свободы в государстве и обществе [16]. В данном случае стоит согласиться с таким автором, как П.Д. Проскуряков, который подчёркивает, что «...различные взгляды на одно и то же правовое явление, конкурирующие между собой в правовом пространстве, порождают и ту самую многозначность терминов и самих терминологических систем, сложившихся естественным образом в процессе правовой эволюции» [9, с. 99].

При реализации права на свободу слова в Интернете пользователи зачастую превышают границы дозволенного, то есть происходит

целенаправленное игнорирование правил поведения, вследствие чего стираются рамки неприкосновенности личного пространства пользователя или целой группы пользователей. Иногда выражение собственных мыслей может побудить к осуществлению массовых беспорядков, экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, что, помимо нарушения интересов и законных прав других лиц, несёт в себе угрозу дестабилизации установленного порядка на территории того или иного государства. Следует согласиться с высказыванием В. Д. Зорькина, который считает, что «...Закон должен предусматривать не наличие возможности умаления прав и свобод, а только их ограничение, то есть иметь законное определение законных границ для возможности определения, что можно расценивать как призыв к массовым беспорядкам или осуществлению экстремистской деятельности, а что – к свободе выражения собственного мнения».

В свете данных обстоятельств, как указывает К.В. Струков, любое государство, позиционирующее себя как правовое, вынуждено балансировать между охранительной политикой, направленной на введение контрольных ограничений, и либеральной политикой, предоставляющей гражданам большую степень усмотрения при реализации ими своих конституционных прав, применительно к информационным отношениям, возникающим в сети «Интернет» [12].

Несложно определить последствия выбора «охранительной политики» со стороны государства, особенно, если эта политика будет сильно ограничивать человека в его законных правах. Так, существует риск повышения правового нигилизма в обществе в связи с осуществлением государством «антидемократических» способов решения существующих проблем, возникающих при реализации прав в сети Интернет. В связи с этим, А.Д. Федин предлагает следующее решение указанных проблем: «...только четко сформулированные понятия, разработанные с научной точностью, совместно с юристами, исследователями-политологами, социологами, историками помогут выработать баланс между защитой политических прав граждан и охраной основ конституционного строя, которые и будут гарантией обоснованности правовых решений, направленных на свободное выражение свободы слова в сети Интернет» [14]. По нашему мнению, данный комплекс мероприятий приемлем для разрешения указанных пробелов в правоприменительной практике, потому что лишь совместная работа квалифицированных профессионалов способна к достижению целей по реализации и защите прав и свобод в указанной сфере.

Стоит также акцентировать внимание на проблеме обоснования закрепления права на доступ в Интернет в качестве фундаментального права человека. Так, в зарубежной науке обосновывается возможность признания права на доступ в сеть Интернет в качестве основного (конституционного) права человека. В настоящее время, существуют случаи такого закрепления. К примеру, согласно части 2 статьи 5А Конституции Греции каждый имеет право на участие в информационном обществе. Содействие в доступе к информации в электронной форме, а равно к ее производству, обмену и распространению

является обязанностью государства. В соответствии с частью 6 статьи 35 Конституции Португальской республики каждому гарантируется свободный доступ к информационным сетям общественного пользования. Интересным представляется опыт такого государства как Коста-Рика. Несмотря на то, что конституция данного государства не предусматривает прямого закрепления гарантий на доступ в Интернет, однако судьи Конституционного суда Коста-Рики решили, что интернет является важным инструментом для доступа граждан к основным правам, и обязали государство содействовать развитию новых технологий, тем самым признали доступ к Интернет пространству одним из основных прав граждан [6].

Доступ к Интернет-среде как право вводится также через формулу «право на свободное получение и распространение информации». Так, Э.В. Талапина исследует право на доступ в Интернет в качестве одной из гарантий реализации права на информацию, делая вывод о том, что «мы накануне международного признания нового фундаментального права – права на доступ в Интернет» [13, с. 81]. Основу правового регулирования права граждан на получение и распространения информации составляет Конституция РФ, а именно ст. 29, норма которой закрепляет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом [1]. Право свободно получать информацию означает право на свободный, без ограничений (кроме случаев, оговоренных законом) доступ к информации. Данные ограничения обусловлены, прежде всего, ее содержанием (государственные секреты, коммерческая или служебная тайна, личная и семейная тайна). Однако к массовой информации доступ не ограничен. Очевидно, что конституционно закрепленное правомочие на доступ к информации не только обеспечивает индивидуальную свободу каждого удовлетворить свои потребности в информации, но и обеспечивает состояние равенства людей, обладающих указанным правом, позволяя соблюдать свободу каждого [4].

В рамках данного вопроса целесообразным является рассмотрение такого документа, как Хартия прав в интернете, принятая в феврале 2001 года в Праге, на семинаре по правам в интернете, Ассоциацией прогрессивных коммуникаций.

Данная Хартия, основанная на Хартии народных коммуникаций, описывает следующие права:

- доступ в интернет для всех;
- свобода выражения мнений и ассоциаций;
- доступ к знаниям;
- совместное обучение и творчество – свободное и открытое программное обеспечение и технологии;
- неприкосновенность частной жизни;
- наблюдение и шифрование, управление интернетом;
- осознание, защита и реализация прав.

Так, сама Ассоциация прогрессивных коммуникаций подчеркивает: «Возможность обмениваться информацией и свободно общаться, используя интернет, является жизненно важной для реализации прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, Международном пакте о гражданских и политических правах, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества» [15].

Стоит также упомянуть такой документ, как Рекомендации Комитета Министров Совета Европы CM/REC (2014) 6 Государствам-членам о Руководстве по правам человека для пользователей Интернета, положения которого устанавливают, что доступ к Интернету является важным средством для пользования своими правами и свободами, а также для участия в процессах демократии. Задача данной Рекомендации состоит в том, чтобы укрепить соблюдение и защиту прав человека и основных свобод в Интернете во всех государствах – членах Совета Европы. Руководство также предоставляет информацию о том, что значат права и свободы на практике в рамках использования Интернета, как на них опираться, и как действовать в соответствии с ними, а также – как получить доступ к средствам правовой защиты. Это развивающийся документ, открытый для периодического обновления [10].

Выводы. Таким образом, мы видим движение в области правовой регламентации права на Интернет в некоторых зарубежных странах, что является позитивным опытом для дальнейшей разработки ключевых моментов по данному вопросу в национальном праве каждого прогрессивного государства.

С учетом вышеизложенного, считается целесообразным признание права на доступ в Интернет в качестве фундаментального права на законодательном уровне Российской Федерации. Цифровые технологии не только предоставляют новые возможности развития человека и общества, но и обуславливают рост рисков нарушения указанной категории прав и свобод и, соответственно, усиление государственного контроля в этой сфере, а также необходимость правового регулирования поведения лиц в глобальной сети государствами и международным сообществом [3].

Таким образом, обоснована необходимость реинтерпретации существующих прав человека с учетом потребностей и проблем информационного общества. Данное действие позволит государству выстроить четкую правовую траекторию дальнейших механизмов реализации указанных прав и свобод человека в глобальной сети Интернет.

Политика государства, направленная на защиту гарантированных прав, выстраивает доверительный характер во взаимоотношениях со своими гражданами и не создаёт условий для усомнения в эффективности проведения охранительных мероприятий в данной сфере. Также, достигаются такие основополагающие государственные цели, как сохранение конституционного строя, поддержание политической и социальной стабильности в обществе, а

также обеспечение единой стратегии дальнейшей защиты прав и свобод человека и гражданина.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) / Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Абрамова Т.В. Этапы формирования концепции (системы) прав человека и их усовершенствование в современном мире / Т.В. Абрамова, В.В. Загородний // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2019. – № 9. – С. 9-20.
3. Алферова Е.В. Защита прав человека в Интернете / Е.В. Алферова // Государство и право в новой информационной реальности. – 2018. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-cheloveka-v-internete> – (дата обращения: 05.11.2022). – Загл. с экрана.
4. Бушуева Т.В. Основы правового регулирования прав граждан на получение и распространение информации / Т.В. Бушуева // Труды Института государства и права РАН. – 2014. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-pravovogo-regulirovaniya-prav-grazhdan-na-poluchenie-i-rasprostranenie-informatsii> – (дата обращения: 25.11.2022). – Загл. с экрана.
5. Клименко Ю.Г. Свобода как правовая категория: к вопросу о многообразии понятия / Ю.Г. Клименко // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – № 4 (44). – С. 455-459.
6. Коста-Рика признала право граждан на интернет / Информационное агентство РИА Новости. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20100909/274097684.html> – (дата обращения: 05.11.2022). – Загл. с экрана.
7. Лапунина Н.Н. «Свобода» как философская категория на фоне исторического развития / Н.Н. Лапунина // Проблемы экономики и юридической практики. – 2008. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-kak-filosofskaya-kategoriya-na-fone-istoricheskogo-razvitiya> – (дата обращения: 25.11.2022). – Загл. с экрана.
8. Нерсесянц В.С. Философия права : Учебник для вузов : Учеб. для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальностям / В.С. Нерсесянц; Ин-т государства и права Рос. акад. наук, Акад. правовой ун-т. – Москва : Изд-во НОРМА (Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. – 647 с.
9. Проскуряков П.Д. Принципы права (философско-правовые аспекты) / П.Д. Проскуряков // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2019. – № 8. – С. 98-106.
10. Рекомендация Комитета Министров Совета Европы CM/REC (2014) 6

- Государствам-членам о Руководстве по правам человека для пользователей Интернета (принята Комитетом Министров Совета Европы 16 апреля 2014 г. на 1197-м заседании Заместителей Министров) // СПС «ГАРАНТ». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70901548/> – (дата обращения: 24.11.2022). – Загл. с экрана.
11. Саликов М.С. К постановке проблемы об особенностях реализации и защиты прав и свобод человека в сети Интернет / М.С. Саликов, С.Э. Несмеянова // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – №1 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-postanovke-problemy-ob-osobennostyah-realizatsii-i-zaschity-prav-i-svobod-cheloveka-v-seti-internet> – (дата обращения: 25.11.2022).
 12. Струков К.В. Проблема обеспечения безопасности сети "Интернет" в контексте прав и свобод человека / К.В. Струков // Евразийский Союз Ученых. – 2016. – №2-1 (23) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-obespecheniya-bezopasnosti-seti-internet-v-kontekste-prav-i-svobod-cheloveka> – (дата обращения: 01.11.2022). – Загл. с экрана.
 13. Талапина Э.В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права / Э.В. Талапина // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 6 (115). – С.70–83.
 14. Федин А.Д. Стоит ли ограничивать свободу слова в сети Интернет / А.Д. Федин // Молодой ученый. – 2020. – № 50 (340). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/340/76513/> – (дата обращения: 25.11.2022). – Загл. с экрана.
 15. Федорова А. Власть над Сетью. Как государство действует в Интернете / А. Федорова. – «Алисторус», 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aldebaran.ru/author/potupchik_kristina/kniga_vlast_nad_setyu_kak_gosudarstvo_deystvu/read/ – (дата обращения: 24.11.2022). – Загл. с экрана.
 16. Эктумаев А.Б. О месте свободы слова в системе конституционных прав и свобод / А. Б. Эктумаев // МНИЖ. – 2020. – № 5-2 (95). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-meste-svobody-slova-v-sisteme-konstitutsionnyh-prav-i-svobod> – (дата обращения: 25.11.2022).

УДК 343.98

А.М. Моисеев, д-р юрид. наук, профессор, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: moiseev.prof@gmail.com,)

С.В. Кондратюк, канд. юрид. наук, Тольяттинский государственный университет (г. Тольятти)

(e-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ НАУКОЕМКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Рассмотрены проблемы применения новых экспертных методик в уголовном судопроизводстве. К проблемным отнесены вопросы взаимодействия следователя, эксперта и руководителя судебно-экспертного учреждения, комплексности современных методик судебных экспертиз, постановки вопросов на применение современных наукоемких методик, проблема присутствия участников судопроизводства при проведении экспертизы и другие. Решение выделенных проблем предложено путем применения современных информационных средств в уголовном судопроизводстве, а также внедрения судебно-экспертных технологий.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебная экспертиза, наукоемкие методики, судебно-экспертные технологии.

Moiseev, A.M.,

Kondratyuk, S.V.

PROBLEMS OF APPOINTMENT OF MODERN SCIENCE-INTENSIVE EXPERTISE

The problems of applying new expert methods in criminal proceedings are considered. The problematic issues include the interaction of the investigator, the expert and the head of the forensic institution, the complexity of modern methods of forensic examinations, posing questions on the use of modern science-intensive methods, the problem of the presence of participants in legal proceedings during the examination, and others. The solution of the identified problems is proposed through the use of modern information tools in criminal proceedings, as well as the introduction of forensic technologies.

Key words: criminal proceedings, forensic examination, science-intensive methods, forensic technologies.

Введение. Криминогенная ситуация в России свидетельствует о существовании негативных тенденций относительно современной вооруженности и технической оснащенности преступников. В преступной деятельности все чаще применяются новые научно-технические средства, компьютеризированные системы, информационные технологии и т.п. Значительный объем сведений о фактах и обстоятельствах преступления содержится в материальных носителях информации – следах, предметах, документах, информационных сетях, многие из которых подлежат судебно-экспертному исследованию. В современных условиях на базе достижений науки разрабатываются новые экспертные методики и совершенствуется процедура их

применения в уголовном судопроизводстве [1-4; 8-11]. Однако, эффективное использование наукоемких методик накладывает свою специфику на процедуры назначения судебных экспертиз и использование их результатов.

Цель статьи: выделить проблемы применения новых экспертных методик в уголовном судопроизводстве и предложить пути решения проблем назначения современных наукоемких экспертиз.

Методика проведения исследования.

Материалами для настоящего исследования послужила современная практика назначения и производства наукоемких экспертиз в уголовном судопроизводстве. Проанализированы данные о взаимодействии судебных экспертов со следственными органами и судом. Последовательность описания проведенного исследования предполагает поступательное раскрытие следующих смысловых блоков: 1) с опорой на современную экспертную и следственную практику уточнить теоретические основы применения современных наукоемких экспертиз; 2) изучить практику назначения и производства наукоемких экспертиз и выделить, на основе полученных результатов, возникающие при этом проблемы; 3) сформулировать предложения по совершенствованию экспертного обеспечения следственной и судебной деятельности. На каждом из этапов исследования анализировалась научная литература и данные судебно-экспертной практики. При этом использовались общенаучные, формально-юридический (при исследовании современной проблематики назначения и производства наукоемких экспертиз), сравнительно-правовой (при установлении факторов, оказывающих негативное влияние на результативность взаимодействия эксперта со следователем и судом) методы. Сформулированные тезисы подтверждены примерами из практики расследования преступлений.

Обсуждение.

1. Для успешного проведения наукоемких экспертиз, со стороны следователя требуется тщательная подготовительная работа. Этот процесс содержит такие операции: 1) подготовка необходимых материалов; 2) выбор тактического момента назначения экспертизы; 3) определение предмета судебной экспертизы; 4) формулирование вопросов эксперту; 5) выбор судебно-экспертного учреждения либо эксперта. По результатам подготовки, следователю необходимо удостовериться, что данное судебно-экспертное учреждение владеет необходимым техническим и кадровым потенциалом для проведения назначаемой наукоемкой экспертизы.

В этой связи, проблемой определяем необходимость следователю удостовериться в возможностях судебно-экспертного учреждения. Ее следователь может решить, обратившись к архиву экспертиз, выполненных в нем ранее. Поэтому выступаем с предложением об организации доступа для следствия (суда) к архивным материалам судебно-экспертного учреждения.

Заметим, что в настоящее время следствие и суд обращаются в судебно-экспертные учреждения по территориальному принципу. Между тем, наукоемкие судебные экспертизы осваиваются не всеми из них. Такое

положение определено технической базой и кадровым потенциалом той либо иной территории.

Однако, в современных условиях телекоммуникации не составляет трудностей обращение в любое подходящее судебно-экспертное учреждение, с использованием информационных технологий [5]. Назначение экспертизы возможно и в дистанционном режиме. Технической базой взаимодействия следователя и судебно-экспертного учреждения могут стать программно-технические комплексы, входящие в автоматизированное рабочее место (далее – АРМ) следователя и АРМ руководителя судебно-экспертного учреждения. Техническим решением в данном случае должна стать технология коммутации указанных специализированных АРМ. Поэтому мы поддерживаем специализацию судебно-экспертных учреждений, в плане освоения ими наукоемких методик, с обеспечением экстерриториального доступа при назначении экспертиз.

Подготовка необходимых материалов на экспертизу означает для следователя обнаружение и изъятие вещественных доказательств, сравнительных образцов, других материалов, необходимых для производства наукоемкой экспертизы.

Основным требованием относительно тактического момента назначения экспертизы можно назвать его своевременность. Наукоемкую экспертизу следует назначать, когда это представляется наиболее целесообразным с точки зрения достижения целей расследования. Однако, не менее важным в этом вопросе становится и подготовка образцов для планируемого исследования. Нельзя исключать и возможность уничтожения вещественных доказательств в ходе применения таких экспертных методик. Уничтожение либо видоизменение вещественных доказательств может затруднить, например, предъявление для опознания и производство иных следственных действий. Поэтому выбор момента назначения судебной экспертизы рекомендовано связывать с проведением иных следственных действий, поскольку результат экспертизы требует оценки в совокупности с другими доказательствами по делу. Также результаты экспертизы становятся основанием для оценки полученных доказательств. Таким образом, тактику выбора момента назначения экспертизы следует увязывать со сложившейся следственной ситуацией.

Также отметим, что результативность назначения современных наукоемких судебных экспертиз зависит от осведомленности следователя относительно их возможностей. Например, значение в расследовании преступлений против жизни и здоровья приобретает исследование цитологических объектов. Современные возможности судебно-биологической, иммунологической и цитологической экспертизы позволяют в полном объеме исследовать биологические выделения и другие материалы жизнедеятельности организма (волосы, частицы кожи, пятна крови и т.п.). К особенностям исследования объектов биологического происхождения с применением современных методик относят их следовые количества, что приводит к неизбежной их утрате.

Приведем пример результативности современных возможностей судебных экспертиз. В ходе расследования тяжкого преступления против жизни и здоровья, генотипоскопическая экспертиза позволяет: установить принадлежность части тела одному и тому же трупу; посмертное установление кровного родства для установления лица неопознанного трупа; установления конкретных участников события при выявлении смешанных следов биологического происхождения; идентификации единого источника происхождения биологических материалов [7; 12]. Однако такие результаты экспертиз требуют понимания биологических процессов со стороны следователя.

Таким образом, проблемой назначения современных наукоемких экспертиз можем назвать необходимость знания следователем их возможностей.

2. По общим правилам, судебная экспертиза назначается в случаях, если при расследовании уголовного дела требуются научные технические либо иные специальные знания. Ученые пришли к единодушному суждению, что назначение экспертизы определено требованиями следственно-судебной практики. Так, в случае расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности возникает необходимость назначения современной наукоемкой генотипоскопической экспертизы. Объектами экспертизы в данном случае становится биологический материал, изъятый с тела и одежды жертвы насилия. В рассматриваемом примере судебная медико-биологическая экспертиза, с применением современных методик и экспертно-технологического подхода [6], позволяет устанавливать факт употребления подозреваемым алкоголя либо наркотических средств. При этом следует заметить, что один и тот же объект биологического происхождения подвергается комплексному исследованию – медико-биологическому, цитологическому, генотипоскопическому и др. От следователя, в данном случае, потребовалась постановка вопросов на комплексное исследование объекта. Таким образом, современные наукоемкие экспертизы приобретают процессуальное значение как основного средства доказывания. Но назначение наукоемких экспертиз требует постановки комплексных вопросов по исследованию одного объекта. Проблемой при этом становится комплексность вопросов на разрешение экспертизы.

Решение нам видится в технологизации судебной экспертизы. Судебно-экспертные технологии понимаются нами как система рабочих операций по рациональному применению имеющихся в распоряжении судебно-экспертного учреждения технических возможностей и средств. В состав судебно-экспертных технологий входят рекомендации по инициативному проведению экспертом исследований представленного объекта с целью выявления дополнительных признаков преступления. В результате, применением судебно-экспертных технологий обеспечивается полное и всестороннее исследование вещественных доказательств. Этим реализуется принцип комплексности проведения экспертизы в судебно-экспертном учреждении.

3. В судебном-экспертном учреждении поручение произвести экспертизу дается его руководителем подчиненному сотруднику. Подчеркиваем, что при назначении современных наукоемких судебных экспертиз необходимым становится взаимодействие следователя непосредственно с экспертом-исполнителем. В плане контроля со стороны следователя, экспертизу может выполнять только компетентное лицо.

Компетентность эксперта определена наличием у него специальных знаний, опыта, а также необходимых организационно-технических возможностей. Компетентность эксперта в применении современных наукоемких экспертных методик обеспечивается: а) системой подготовки, аттестации и лицензирования эксперта и учреждения судебной экспертизы; б) системой экспертных учреждений, в которых производятся современные наукоемкие экспертные исследования; в) свободой выбора эксперта, привлекаемого к производству современных наукоемких экспертизах; г) конкурентной системой выбора эксперта и судебном-экспертном учреждении для производства современных наукоемких судебных экспертиз; д) процессуальным правом на отвод эксперта по мотивам его некомпетентности.

Проведение экспертизы сотрудником, компетентным в применении современных наукоемких методик, обеспечивает руководитель судебном-экспертного учреждения. В случаях производства экспертиз вне таких учреждений, следователь самостоятельно устанавливает компетентность эксперта.

Решение проблемы взаимодействия видится во внедрении информационных технологий, оперативности взаимодействия, налаживания коммуникации посредством АРМ эксперта и следователя. При обеспечении информационной безопасности, результаты экспертизы могут передаваться непосредственно следователю, одновременно с оформлением заключения в виде юридического документа и передачи его через канцелярию судебном-экспертного учреждения.

4. Отмечаем проблему объема материалов дела, предоставляемых эксперту на исследование. С одной стороны, при назначении современных наукоемких экспертиз, эксперту необходимо получить материалы в максимальном объеме, и в таком случае он приобретает возможность решить поставленные вопросы в соответствии с современными технологиями судебных экспертиз. Однако, с другой стороны, предоставляемые материалы несут сильный эмоциональный заряд, связанный с событием преступления. Такой характер материалов может оказать негативное влияние на эксперта в плане формирования у него эмоциональной установки. Это может помешать объективности проведения экспертом исследований с применением современных наукоемких методик. Мы предлагаем ограничиваться материалами, относящимися к предмету назначаемой экспертизы, и исключать из предоставляемого объема протоколы допросов, очных ставок, предъявлений для опознания и других следственных действий насыщенного эмоционального характера.

В любом случае, следователю необходимо иметь представление о готовности эксперта выполнять наукоемкие исследования. В таких случаях компетенции судебного эксперта можно оценить по выполненным им ранее экспертизам. Поэтому можем рекомендовать следователю определять компетентность эксперта путем анализа его прошлых экспертиз.

5. Исследуем проблемы, возникающие при принятии экспертом материалов на производство наукоемкой экспертизы. Приступая к ее производству, эксперт изучает вопросы постановления на предмет соответствия их собственной компетенции. Затем эксперту следует оценить полноту объектов и материалов, поступивших на исследование. Также эксперту рекомендовано внимательным образом осмотреть упаковку вещественных доказательств, с учетом способа их транспортировки в судебно-экспертное учреждение. Затем ему необходимо оценить количество и качество поступивших объектов (вещественных доказательств, образцов для сравнительного исследования, материалов дела и т.п.). В некоторых случаях эксперту необходимо согласовать формулировки вопросов со следователем. В необходимых случаях – заявить ходатайства о предоставлении следователем дополнительных объектов и материалов.

Взаимодействие следователя с экспертом в процессе производства экспертизы происходит в случаях, когда промежуточные результаты требуют изменения или постановки дополнительных вопросов на разрешение экспертизы. Так, нам встретились в экспертной практике случаи, когда следователь после производства дополнительных следственных действий счел необходимым уточнить вопросы эксперту, и это привело к затягиванию сроков производства экспертизы. Со стороны эксперта необходимо оперативное взаимодействие со следователем при уточнении вопросов на экспертизу, а также при возникновении потребности видоизменения либо уничтожения объекта исследования.

Обобщая изложенное, мы видим проблему взаимодействия следователя с экспертом в необходимости постоянных согласований при получении задания и в ходе выполнения экспертизы.

6. Вопросы эксперту необходимо формулировать таким образом, чтобы исключить их неоднозначное толкование. При этом вопросы должны быть увязаны с обстоятельствами расследования по делу. Например, при назначении экспертиз медико-биологического содержания установлению подлежат такие обстоятельства расследуемого события: установление конкретных участников при выявлении смешанных следов биологического происхождения; идентификация лица по следам данного вида; идентификация единого источника происхождения выявленных следов, диагностика механизма следообразования и т.п. В различных справочниках и пособиях, предназначенных для следователей, приведены типовые вопросы на экспертизу. Однако, ввиду интенсивного расширения современных возможностей судебных экспертиз, такой перечень вопросов быстро устаревает. В связи с этим возникает проблема уточнения формулировок и типизации вопросов на разрешение наукоемких экспертиз.

Решение данной проблемы нам видится в проведении научных исследований по данной тематике на базе факультетов и кафедр уголовно-процессуального и криминалистического направлений.

7. Отмечаем, что следователь, а также с разрешения следователя подозреваемой (обвиняемый) имеют право присутствовать при производстве экспертизы. Однако, в случае применения современных наукоемких методик указанные лица не способны воспринять ход и результаты производимых исследований. Если они будут задавать эксперту вопросы с целью уяснения происходящего, то тем самым они могут отвлекать эксперта от производства измерений, экспериментов, наблюдений и т.п. Очевидно, что присутствие указанных лиц при производстве экспертизы составляет проблему. В этой связи мы предлагаем исключить присутствие любого участника судопроизводства при выполнении экспертом современной наукоемкой экспертизы.

8. Также проблемой применения современных экспертных методик назовем возможное уничтожение либо видоизменение объектов исследования. Действительно, при производстве экспертиз медико-биологических, генотипоскопических, химических, радиографических и других, объект исследования уничтожается полностью либо частично. Однако, эксперту в подобных случаях на это необходимо получить разрешение у следователя. Очевидно, что дополнительная переписка приводит к непроизводительным потерям времени. Поэтому мы рекомендуем следователю заранее, в постановлении о назначении экспертизы, формулировать разрешение эксперту на видоизменение исследуемых объектов.

Основные результаты и выводы.

К современным проблемам назначения и производства наукоемких экспертиз отнесены вопросы взаимодействия следователя и эксперта, определения степени компетентности эксперта и возможностей судебно-экспертного учреждения, проблема комплексности применяемых современных средств судебных экспертиз, проблема выбора тактического момента назначения экспертизы, проблема типизации вопросов на применение современных наукоемких методик, проблема объема предоставляемых эксперту материалов дела, проблема присутствия участников судопроизводства при проведении экспертизы, возможное уничтожение или фальсификация объектов исследования.

Решение данных проблем лежит в применении современных информационных средств, а также внедрении судебно-экспертных технологий в уголовное судопроизводство.

Список литературы

1. Боровских Р.Н. Судебные экспертизы по делам о мошенничестве в сфере страхования / Р. Н. Боровских // Юридическая наука и практика. – 2021. – Т. 17. – № 3. – С. 76-83.
2. Завьялова Д.В. Современные возможности судебной компьютерно-технической экспертизы при расследовании различных видов преступлений

- / Д.В. Завьялова // Теория и практика судебной экспертизы. – 2020. – Т. 15. – № 3. – С. 89-97.
3. Иванова Е.В. Возможности судебной экспертизы лакокрасочных покрытий современных транспортных средств / Е.В. Иванова, К.В. Полякова // Судебная экспертиза. – 2020. – № 4 (64). – С. 74-84.
 4. Кондратюк С.В. Судебная криминологическая экспертиза занятия высшего положения в преступной иерархии / С. В. Кондратюк // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 3 (46). – С. 26-35.
 5. Кудряшов Д.А. Актуальные аспекты интеграции информационно-коммуникационных технологий в судебно-экспертной деятельности / Д.А. Кудряшов // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 1. – С. 125-129.
 6. Моисеев А.М. Экспертная технология в судебной экспертизе: понятие и структура / А.М. Моисеев // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки: сборник научных трудов. – Вып. 7. – Донецк : ДЮА, 2018. – С. 83-89.
 7. Родина Е.Ю. Организационно-правовые возможности использования молекулярно-генетической экспертизы / Е.Ю. Родина, О.В. Чельшева // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 69-75.
 8. Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации / Е.Р. Россинская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 5 (57). – С. 31-44.
 9. Россинская Е.Р. Современная судебно-экспертная деятельность и направления ее совершенствования / Е.Р. Россинская // Закон. – 2019. – № 10. – С. 31-42.
 10. Россинская Е.Р. Современное состояние и перспективы исследования образов цифровых следов в судебной почерковедческой экспертизе / Е. Р. Россинская, Н. Ф. Бодров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – № 1(21). – С. 121-135.
 11. Секераж Т.Н. Современные возможности судебной психологической и комплексной экспертизы при исследовании видеозаписей процессуальных и непроцессуальных действий / Т.Н. Секераж // Теория и практика судебной экспертизы. – 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 100-113.
 12. Усачев С.И. Современный взгляд на возможности генотипоскопических исследований / С.И. Усачев, А.Ю. Кравцов, А.Н. Завьялов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – № 3 (23). – С. 151-158.

УДК 342.95

А.А. Подляскин, заместитель начальника отдела вооружения УМТО МВД ДНР, адъютант, Академия Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики имени Ф.Э. Дзержинского (г. Донецк)

(e-mail: Admsud19@mail.ru)

МЕХАНИЗМ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ И БОЕПРИПАСОВ НА ПРИМЕРЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье проведен теоретико-правовой анализ механизма административно-правового регулирования оборота оружия и боеприпасов, рассмотрены основные признаки данного явления в теории административного права и произведено их соотношение с действующими в настоящий момент административно-правовыми механизмами оборота оружия и боеприпасов в Донецкой и Луганской Народных Республиках. В результате проведенного теоретического анализа, изучения статистических и практических данных были рассмотрены следующие проблемные вопросы в сфере механизма правового регулирования оборота оружия и боеприпасов в ЛДНР: недостаточная правовая регламентация данного аспекта в Донецкой Народной Республике; проблема взаимодействия подразделений, ответственных за регулирование оборота оружия; отмечена необходимость установления контроля за оборотом пневматического оружия, а также предметов, конструктивно схожих с оружием; определена возможность роста преступности в рассматриваемой сфере в связи с упразднением таможенных постов ввиду заключения экономической договоренности между Луганской Народной Республикой и Донецкой Народной Республикой.

Ключевые слова: механизм, правовое регулирование, оружие, боеприпасы, оборот.

Podlyaskin, A.A.

THE MECHANISM OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF FIREARMS AND AMMUNITION TURNOVER ON THE EXAMPLE OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND THE LUHANSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article provides a theoretical and legal analysis of the mechanism of administrative and legal regulation of the turnover of weapons and ammunition, examines the main features of this phenomenon in the theory of administrative law and their correlation with the currently operating administrative and legal mechanisms of the turnover of weapons and ammunition in the Donetsk and Lugansk People's Republics. As a result of the theoretical analysis, the study of statistical and practical data, the following problematic issues were considered in the field of the mechanism of legal regulation of the turnover of weapons and ammunition in the LDPR: insufficient legal regulation of this aspect in the Donetsk People's Republic; the problem of interaction of units responsible for regulating the turnover of weapons; noted the need to establish control over the circulation of pneumatic weapons, as well

as items structurally similar to weapons; the possibility of an increase in crime in the area under consideration is determined in connection with the abolition of customs posts due to the conclusion of an economic agreement between the Luhansk People's Republic and the Donetsk People's Republic.

Key words: *mechanism, legal regulation, weapons, ammunition, turnover.*

Постановка проблемы. Вопрос правового регулирования сферы оборота огнестрельного оружия имеет большое значение для функционирования всей государственной системы в целом, а также обеспечения как национальной безопасности государства, так и безопасности отдельных граждан. В рамках таких государств, как Луганская и Донецкая Народная Республики, данный вопрос является наиболее актуальным ввиду непрекращающихся боевых действий на территории указанных государств, а также ввиду недостаточного уровня нормативно-правового регулирования рассматриваемого аспекта.

Актуальность исследования. Актуальность проведения научного исследования вопросов правового регулирования сферы оборота огнестрельного оружия обусловлен, в первую очередь, особенностями развития правовой системы ДНР, с учетом продолжающихся военных действий с Украиной. При этом, поскольку с 2022 года происходит возвращение ряда территорий в ДНР в рамках границ Донецкой области, важным и необходимым является разработка правового механизма включения не только освобожденных территорий в состав ДНР, но и формирование порядка функционирования оборота огнестрельного оружия на освобожденных территориях ДНР, с учетом бесконтрольного оборота такого оружия с февраля 2022 года.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследование вопроса административно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия осуществлялось, в частности: С.М. Рукавишниковым, О.О. Томилиным, А.А. Шмидтом.

Выделение нерешённых проблем. Для определения проблемных аспектов исследуемой темы, по нашему мнению, первоначально необходимо рассмотреть теоретическую сторону, касающуюся такого элемента нормативно-правового регулирования как механизм административно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия и боеприпасов.

Целью данной работы является проведение теоретико-правового анализа механизма административно-правового регулирования оборота оружия и боеприпасов, а также рассмотрены основные признаки данного явления в теории административного права и произведено их соотношение с действующими в настоящий момент административно-правовыми механизмами оборота оружия и боеприпасов в Донецкой и Луганской Народных Республиках.

Основное содержание.

Административно-правовое регулирование, как явление, в рамках которого осуществляется исследование настоящей темы, в теории права представляет собой совокупность правовых средств, при помощи которых государство, так или иначе, воздействует на общественные отношения в желаемом для него направлении [8]. Особенности рассматриваемого типа

правового регулирования обусловлены тем, что оно непосредственно связано с государством и предполагает, в первую очередь, выражение воли и интересов самого государства, закрепление институтов государственного контроля, а также определение путей развития общественных отношений. При этом во всех указанных направлениях правовая регламентация деятельности субъектов осуществляется путем применения норм административного права, которые установлены и функционируют на всех уровнях публичной власти.

Очередным аргументом в подтверждение актуальности исследования настоящей темы являются статистические данные совершения преступлений, связанных с оборотом оружия и боеприпасов. Так, по данным МВД ДНР, в 2020 году из незаконного оборота было изъято 208 единиц стрелкового оружия, почти половина от общего числа – пистолеты (93 единицы), а в оставшееся количество входят ружья, автоматы, револьверы, карабины, винтовки и пулеметы. Также за указанный период изъято свыше 62 000 боеприпасов, в основном патроны (61 436 единиц), а также почти 750 гранат, 18 мин и более 25 килограмм пороха [5]. При этом МВД ЛНР официальные данные касательно оборота огнестрельного оружия и боеприпасов за прошедший год в общий доступ не предоставляет, однако необходимо отметить, что по результатам анализа новостных материалов официального сайта МВД ЛНР можно сделать вывод о том, что, исходя из ежедневных сводок работы ОВД, связанной с незаконным оборотом оружия, большое количество преступлений связано именно с хранением такового, очевидно, ввиду боевых действий, происходящих на территории Республики. Так или иначе, в Республиках регулярно проводятся мероприятия, называемые «месячниками добровольной сдачи оружия», которые подразумевают под собой освобождение от уголовной ответственности лиц, сдавших имеющееся у них боевое огнестрельное оружие и боеприпасы, находящиеся у них на незаконных основаниях [5]. Подобный вид деятельности является довольно выгодным для государства, поскольку нежелательный оборот оружия и боеприпасов таким образом становится невозможным, а лица, в отношении которых, по сути, должны быть возбуждены уголовные дела, избегают судебных тяжб. Тем не менее, ввиду высокого уровня латентности преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов, стоит отметить, что подобная добровольная сдача имеющегося у населения на незаконных основаниях оружия и боеприпасов могут быть лишь способом сокрытия более тяжкого преступления, ввиду чего, по нашему мнению, в отношении таких граждан всё же должна быть проведена соответствующая проверка со стороны районных органов внутренних дел.

Механизм правового регулирования оборота оружия, в том числе огнестрельного, в свою очередь, являясь неотъемлемой частью административно-правового регулирования определённого вида деятельности в целом, должного внимания и широкого освещения в научной литературе не получил, законодательного определения данный элемент также не имеет ввиду его теоретического значения. Тем не менее, в общем виде механизм административно-правового регулирования понимается как комплекс правовых

средств, способствующих воздействию права на социальные связи, как отмечает С.С. Алексеев [4, с. 126]. Так или иначе, учитывая разрозненность мнений ученых касательно определения механизма административно-правового регулирования, следует учитывать, что он всё же являет собой систему правовых средств, обеспечивающих влияние на государственно-управленческие отношения для того, чтобы организовать их в соответствии и для достижения поставленных целей, задач и принципов государственного управления и устранить мешающие их достижению и реализации препятствия.

Для дальнейшего исследования необходимо определить факт того, на самом ли деле механизм административно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия в ДНР и ЛНР является таковым и в полной мере достигает необходимого уровня эффективности, целей и задач его предназначения. С целью этого необходимо обратиться ко мнению К.В. Шундикова [10, с. 127], определяющего признаки механизма правового регулирования и сопоставить их с действующим законодательством ДНР и ЛНР.

Первым признаком механизма правового регулирования, исходя из мнения К.В. Шундикова [10, с. 127], является обладание механизмом правового регулирования собственным специфическим предметом, которым, согласно Закону ЛНР «Об оружии» от 11.09.2015 г. (далее – Закон ЛНР «Об оружии»), а также ведомственного Приказа МВД ДНР № 227 от 06.04.2015 г. (далее – Приказ МВД ДНР № 227) является оборот оружия и боеприпасов на территории Республик.

Следующим признаком механизма правового регулирования является его ориентированность на реализацию особых правовых целей. Исходя из рассматриваемого Закона ЛНР «Об оружии», основными целями данного закона являются защита жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, охрана природы и природных ресурсов, укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия [1]. При этом, согласно представленному Приказу МВД ДНР № 227, целью такого правового механизма является соблюдение порядка изготовления, приобретения, хранения, учета, перевозки и использования огнестрельного <...>, а также боеприпасов к оружию, основных частей [2].

В данном аспекте усматриваются различия ввиду того, что рассматриваемый нормативный акт Закон ЛНР «Об оружии» является в данной сфере типовым документом, регулирующим всю сферу оборота оружия и боеприпасов на территории ЛНР. При этом, Приказ МВД ДНР № 227 же является узконаправленным документом, регулирующим строго определённые аспекты всей исследуемой сферы, ввиду чего и общие цели механизма правового регулирования данных документов имеют существенные различия в части масштабности их охвата.

Еще одним признаком механизма правового регулирования является способность оказывать характерное лишь для рассматриваемого механизма социально-юридическое воздействие права. В рассматриваемом механизме

таким средством воздействия является установленное лицензионно-разрешительной системой государства ограничение на оборот оружия на территории Республики (как ЛНР, так и ДНР), а также определённые виды ответственности за нарушение таких ограничений и законных требований, такие как административная и уголовная. Помимо этого, средство воздействия в данном механизме правового регулирования выражается в его административном характере, что раскрывается как в соподчинении органов, осуществляющих контроль за оборотом оружия и боеприпасов, деятельность которых регламентирована определёнными нормативно-правовыми актами, так и граждан, которые обязаны выполнять предписанные нормы в исследуемой сфере правового регулирования [9].

Очередным признаком механизма правового регулирования является воплощение его исключительно в особой форме, предусмотренной нормативно-правовыми актами, что подразумевает под собой, как минимум, наличие таких актов. В ЛНР, исходя из уже изложенного материала, подобный документ существует в виде типового Закона ЛНР «Об оружии», который, по нашему мнению, в полной мере предусматривает необходимый перечень норм для регулирования рассматриваемой сферы [1]. В ДНР же подобный законодательный акт отсутствует, ввиду чего в неполной мере раскрывается понятийный аппарат оборота оружия и боеприпасов, а также не раскрыты частные вопросы, например, касаясь перечня необходимых документов для получения разрешения на ношение и хранение огнестрельного оружия в ДНР, поскольку Приказом №227 МВД ДНР не предусмотрено наличие у лица справки о судимости при получении такого разрешения [2]. Ввиду этого, следует отметить острую необходимость в законодательном урегулировании изучаемого аспекта в виде типового закона, по аналогии с ЛНР и РФ, на территории Донецкой Народной Республики.

Крайним, по мнению К.В. Шундикова, признаком механизма правового регулирования является направленность на конкретные значимые для общества результаты [10, с. 127], которые, по нашему мнению, выражаются через уже описанные цели правового механизма оборота оружия и боеприпасов на территории Республик. Помимо этого, данная направленность также выражается и в конкретных практических достижениях применения механизма правового регулирования, а конкретно – в исследуемой сфере оборота оружия и боеприпасов, это должно выражаться в снижении уровня преступности, связанной с исследуемым аспектом, а также правонарушений в сфере хранения, ношения, перевозки оружия и боеприпасов, их изготовления, ремонта и тому подобного. То есть, данный признак, в первую очередь, выражается в возможности применить указанные нормы механизма правового регулирования в жизнь. С этим, соответственно, ввиду отмеченных пробелов при описании признаков механизма административно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия и боеприпасов в ДНР и ЛНР, возникают определённые проблемы и трудности.

Наиболее масштабным и значимым проблемным аспектом в части механизма административно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия и боеприпасов в ДНР является, в первую очередь, недостаточный уровень регламентации данного вида государственной деятельности ввиду нехватки нормативно-правовых актов, устанавливающих правовой режим оборота оружия и боеприпасов. Помимо этого, уже имеющиеся нормативно-правовые акты, регламентирующие исследуемую сферу, также имеют немало пробелов. К таковым относятся: Приказ МВД ДНР №227 от 06.04.2015 года «Об утверждении Инструкции о порядке изготовления, приобретения, хранения, учета, перевозки и использования огнестрельного <...> оружия и боеприпасов к нему»; Постановление СМ ДНР №5-6 от 09.04.2015 года «Об утверждении Положения о разрешительной системе и Временного положения о порядке регистрации, хранения и ношения нарезного боевого огнестрельного оружия и боеприпасов к нему» с соответствующими приложениями; Приказ МВД ДНР №177 от 11.03.2016 года «Об утверждении Лицензионных условий ведения хозяйственной деятельности по производству, ремонту огнестрельного оружия невоенного назначения и боеприпасов к нему <...>» [3].

Основными пробелами, которые стоит выделить в регламентации вышеперечисленных нормативно-правовых актов, является недостаточная требовательность к претенденту на получение разрешения на ношение и хранение огнестрельного оружия, в связи с чем считаем целесообразным внести предложение о дополнении п. 8 Временного положения о порядке регистрации, хранения и ношения нарезного боевого огнестрельного оружия (Приложение №2 к Постановлению СМ ДНР №5-6) [3] следующим перечнем документов: справка об изучении материальной части оружия, специальных средств, правил обращения с ними, а также их применения; медицинская справка установленного образца; справка об отсутствии (наличии) судимости, что, по нашему мнению, будет играть превентивную функцию совершаемых в дальнейшем преступлений с использованием данного вида оружия.

В части последнего описанного признака механизма административно-правового регулирования, касающегося применения данного механизма на практике, видим целесообразным выделить проблему взаимодействия подразделений, ответственных за регулирование оборота оружия на территории государства, которые должны быть разрешены путем введения комплекса мер по совершенствованию организации и правового обеспечения деятельности органов внутренних дел по контролю в сфере оборота оружия, а также системы мер, направленных на повышение правовой культуры населения в части владения оружием [9, с.127].

Необходимо отметить, что закрепленный в нормативно-правовых актах ДНР порядок создания и лицензирования субъектов хозяйствования, осуществляющих деятельность по производству, ремонту, торговле огнестрельным оружием и боеприпасов к нему, а также стрелковых тиров и стрельбищ, пунктов изучения материальной части огнестрельного оружия, правил обращения с ним и его применения, магазинов, осуществляющих

продажу оружия и боевых припасов к нему, устройств и патронов к ним (указанных в Приказе МВД ДНР №177), необходимо воплотить в жизнь и обеспечить создание таких субъектов хозяйствования на территории Республики ввиду их актуальной надобности, ввиду возникновения ряда проблемных аспектов, среди которых, в частности: отсутствие возможности граждан в приобретении того или иного вида оружия в целях, например, самообороны; отсутствие возможности у владельцев огнестрельного оружия осуществления соответствующего ремонта и ухода за таким оружием; отсутствие у владельцев огнестрельного оружия возможности познания принципа действия оружия, находящегося у них во владении, его материальной части, порядка правомерного его применения, а также необходимых навыков стрельбы. Все вышеперечисленные факторы в той или иной мере способствуют совершению множества правонарушений в сфере оборота огнестрельного оружия на территории ДНР.

Крайним аспектом, требующим освещения, является связь института оборота огнестрельного оружия и боеприпасов с происходящими на территории государства социальными, политическими и экономическими преобразованиями. Говоря о данном вопросе, в виду имеется подписанный Главами ЛНР и ДНР договор о создании единой таможенной территории и развитии экономической интеграции. Данный факт подразумевает под собой то, что с 1 октября 2021 года таможенные посты между ЛНР и ДНР отсутствуют [7]. В рамках функционирования единого таможенного пространства на единой таможенной территории будет функционировать единый внутренний рынок товаров, применяться единые таможенные тарифы и иные меры регулирования внешней торговли товарами с третьими странами. Помимо этого, требующим внимания в рамках темы настоящей работы является аспект введения единого режима торговли товарами в отношении с третьими странами, осуществления единого таможенного регулирования, свободного перемещения товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля. Именно момент исключения подобного государственного контроля и может негативно сказаться на борьбе с преступностью в сфере незаконного оборота оружия и боеприпасов, ввиду чего считаем целесообразным отметить, что, с учетом имеющейся статистики совершения подобных преступлений, а также с учетом упразднения таможенных постов и фактора государственного контроля при перевозке товаров между ДНР и ЛНР, данным государствам необходимо создать четкую инструкцию противодействия незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств на их территории в новых имеющихся условиях.

Подводя итог изложенного материала, стоит, в первую очередь, отметить рассмотренный теоретико-правовой аспект, касающийся соотношения признаков механизма административно-правового регулирования в теории со сложившейся ситуацией, связанной с данным вопросом на практике, на территории государств ДНР и ЛНР. По итогам данной части исследования были сделаны выводы о том, что механизм административно-правового

регулирования оборота огнестрельного оружия в ДНР и ЛНР в полной мере соответствует признакам «теоретического» механизма, однако данный факт не исключает имеющиеся проблемы его прикладного применения [6].

Выводы. Исходя из вышеизложенного материала, стоит сделать выводы о том, что на современном этапе становления государственности в ДНР существуют проблемы взаимодействия подразделений, ответственных за регулирование оборота оружия на территории государства, которые должны быть разрешены путем введения комплекса мер по совершенствованию организации и правового обеспечения деятельности органов внутренних дел по контролю в сфере оборота оружия, а также системы мер, направленных на повышение правовой культуры населения в части владения оружием.

Помимо указанного, с учетом современных условий изменения территорий ДНР и ЛНР в связи с проведением специальной операции Российской Федерацией с 24 февраля 2022 года, участия граждан ДНР и ЛНР в военном конфликте с Украиной, вопросы законодательного совершенствования нормативно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия становятся актуальными и требуют дальнейших научных исследований.

Список литературы

1. Об оружии: Закон ЛНР от 11.09.2015 года № 42-П. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0011-227-20150406/> – (дата обращения: 12.10.2022).
2. Об утверждении Инструкции о порядке изготовления, приобретения, хранения, учета, перевозки и использования огнестрельного <...> оружия, а также боеприпасов к оружию, основных частей оружия и взрывчатых материалов промышленного назначения на территории ДНР Приказ МВД ДНР № 227 от 06.04.2015 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0011-227-20150406/> – (дата обращения: 12.10.2022).
3. Об утверждении Положения о разрешительной системе и Временного положения о порядке регистрации, хранения и ношения нарезного боевого огнестрельного оружия и боеприпасов к нему: Постановление Совета Министров ДНР № 5-6 от 09.04.2015 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://npa.dnronline.su/2015-04-27/postanovlenie-soveta-ministrov-dnr-5-6-ot-09-04-2015-g-ob-utverzhdanii-polozheniya-o-razreshitelnoj-sisteme-i-vremennogo-polozheniya-o-poryadke-registratsii-hraneniya-i-nosheniya-narezno-go-boevogo-og.html> – (дата обращения: 15.10.2022).
4. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – Москва : Бек, –1995. – 320 с.
5. Об итогах борьбы с незаконным оборотом наркотиков и оружия в 2019 году. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sbs-dnr.ru/2020/02/25/mvd-rasskazalo-ob-itogax-borby-s-nezakonnym-oborotom-narkotikov-i-oruzhiya-v-2019-godu/> – (дата обращения: 15.10.2022).
6. Рукавишников С.М. Понятие и особенности механизма административно-правового регулирования / С.М. Рукавишников // Правовая политика и правовая жизнь – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-osobennosti-mehanizma-administrativno-pravovogo-regulirovaniya/viewer> – (дата обращения: 15.10.2022).

7. Таможенные посты между ЛНР и ДНР будут сняты с 1 октября 2021 года: Официальный сайт Государственного таможенного комитета ЛНР. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtklnr.su/2021/09/07/таможенные-посты-между-лнр-и-днр-будут/>– (дата обращения: 20.10.2022).
8. Томилин О.О. Административная ответственность в механизме административно-правового регулирования / О.О. Томилин, А.П. Любавин // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова – 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-otvetstvennost-v-mehanizme-administrativno-pravovogo-regulirovaniya/viewer> – (дата обращения: 25.10.2022).
9. Шмидт А.А. Вопросы государственной политики в сфере оборота оружия / А.А. Шмидт // Юридическая наука и правоохранительная практика – 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-gosudarstvennoy-politiki-v-sfere-oborota-oruzhiya/viewer> – (дата обращения: 25.10.2022).
10. Шундигов К.В. Механизм правового регулирования: учеб. пособие / К.В. Шундигов. – Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2001. – 102 с.

УДК 340.12:004.056

К.Е. Свиридова, ассистент, Донецкий национальный университет (г. Донецк)

(e-mail: k.sviridova@donnu.ru)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается вопрос обеспечения информационной безопасности как неотъемлемого компонента национальной безопасности в условиях цифровой трансформации современного общества и государства. Выявлены основные сущностные характеристики такого явления, как «информационно-психологическая война» и определена его роль как приоритетной угрозы современности при осуществлении охранительной политики государства в информационной среде.

Ключевые слова: цифровая трансформация общества и государства, внедрение информационно-коммуникационных технологий, обеспечение информационной безопасности, инфодемия, информационно-психологическая война.

Sviridova K.E.

CURRENT ISSUES OF INFORMATION SECURITY IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF MODERN SOCIETY

The article deals with the issue of ensuring information security as an integral component of national security in the context of digital transformation of modern society and the state. The main essential characteristics of such a phenomenon as «information and psychological warfare» are revealed and its role as a priority threat to modernity in the implementation of the state's protective policy in the information environment is determined.

Key words: *digital transformation of society and the state, introduction of information and communication technologies, information security, infodemia, information and psychological warfare.*

Актуальность темы исследования. В эпоху цифровой трансформации современного общества важнейшую роль приобретают вопросы, касающиеся обеспечения информационной безопасности государства. Так, данный феномен является многоаспектным, и включает в себя огромное количество рисков. При отсутствии должной защиты информационного потока, транслируемого в средствах массовой информации и телекоммуникационных сетях, посредством влияния на человеческое сознание, возможен подрыв национальной безопасности всего государства.

С целью уяснения качественных сторон и актуальных проблем обеспечения информационной безопасности в условиях формирования цифрового государства целесообразным представляется исследование диалектических аспектов современного феномена «цифровизация». Изучая процесс цифровизации и его влияние на различные сферы общественной жизни, российские авторы отмечают, что сегодня «цифровые технологии начинают диктовать свои условия, к которым необходимо адаптировать правовые институты, в том числе институты гражданского права» [3, с. 25]. Стоит отметить, что термин «цифровизация» стал впервые употребляться в 70-х гг. XX в, когда в ходе компьютерной революции произошел переход от аналоговых методов обработки информации к цифровому стандарту, использование которого привело к кардинальной трансформации всей технологической среды.

Несмотря на это, понятие «цифровизация» не обрело еще однозначного научного толкования [14]. Процесс цифровизации многие ошибочно понимают как повсеместное оснащение компьютерными и информационными системами. Однако вопрос стоит гораздо шире: он касается государственной политики, правовых и административных отношений [12].

На данный момент актуальным вопросом в сфере правового регулирования является обеспечение информационной безопасности как основного направления деятельности в сфере национальной безопасности. Это прежде всего связано с развитием информационно-коммуникационных технологий и повсеместным внедрением цифровых технологий в сферу государственной деятельности, что способствует изменению характера правоприменительной практики, которая обеспечивает безопасность всех

участников «цифрового» оборота, сохранность персональных данных и различного рода информации в киберпространстве [13, с. 82].

Анализ научных исследований. Значительный вклад в разработку проблем обеспечения информационной безопасности внесли такие ученые, как И.Л. Бачило, Г.Г. Горшенков, В.Н. Лопатин, В.А. Копылов, П.У. Кузнецов, Н.Н. Куняев, Т.А. Полякова, А.А. Стрельцов и другие. Стоит отметить ряд авторов, в трудах которых были рассмотрены особенности формирования информационного общества и выдвинуты концепции его развития: И. Ю. Алексеева, В.Г. Горохов, Г.Р. Громов, Б.М. Герасимов, Т.П. Воронина, Т.В. Ершова, И. С. Мелюхин, Н. Н. Моисеев, Ю. А. Нисневич, А. И. Ракитов, С. С. Рябинская, А. В. Соколов, Д. А. Урсула, Д. С. Черышкин, А.Г. Чесноков, И.А. Яковенко и др.

Целью научной статьи является анализ современных угроз подрыва информационной безопасности государства в условиях цифровизации и трансформации современного общества.

Изложение основного материала. Цифровизацию современного общества метафорично можно представить в качестве рычага государства, с помощью которого стало возможным формирование определенных социальных групп с новыми ценностными ориентирами и жизненными устоями. Нельзя не согласиться с мнением А.К. Поправко и А.А. Поправко, которые подчеркивают: «Цифровое общество – это не просто общество, где происходит колоссальное ускорение обработки информации во всех сферах жизни общества, но и совершенно иной вид материального производства, где существенную роль играет «нематериальный элемент» – знания» [10, с. 96]. Стало возможным стремительное вытеснение старого уклада и интенсивное внедрение новых технологий, трансформация частной жизни и преобразование рабочих мест, появление новых профессий и т.п. Президент всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб в своей книге «Четвертая промышленная революция» характеризует современные изменения как беспрецедентные для истории человечества. Так, по его словам: «...Перемены затронут всех: отношения человека с миром, с собой и с другими людьми кардинально изменятся». По оценке Глобального института McKinsey (MGI) в ближайшие 20 лет до 50% рабочих операций в мире могут быть автоматизированы, и по масштабам этот процесс будет сопоставим с промышленной революцией XVIII-XIX веков [1, с. 162].

Следует упомянуть и тот момент, что несмотря на огромное количество положительных сторон цифровизации, существует и отрицательное влияние данного феномена. В своём исследовании А.А. Поправко справедливо отмечает следующее: «Переход к цифровой экономике, а как следствие – и к цифровому обществу – может привести как к положительным, так и отрицательным последствиям для будущего России и вопрос правового регулирования в данной области имеет стратегический характер для защиты и развития государственности» [9, с. 104]. Так, к примеру, увеличилось количество преступлений в связи с появлением и повсеместным распространением

виртуальных кошельков, электронных банковских операций и т.д. участились случаи хищения конфиденциальной информации, денежных средств, личных данных из компьютеров и серверов. Такие авторы, как Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, И.С. Бойченко выделяют следующие дополнительные угрозы для Российской Федерации в указанной сфере:

- стремительное развитие единого глобального информационного пространства, за которым не успевает правотворческий процесс;
- усиление цифрового неравенства населения;
- активное использование цифровых технологий в целях подрыва национальной безопасности, нарушения государственного и общественного порядка;
- низкий уровень информационной безопасности электронного документооборота;
- рост незащищенности персональных данных, личной и семейной тайны граждан [8].

Стоит также отметить, что, несмотря на внедрение информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), в органах государственной власти существует ряд проблем как организационного, так и законодательного характера. Так, среди существующих пробелов в указанной сфере можно выделить отсутствие государственных услуг, использование которых предполагает только удалённое участие пользователей без непосредственного посещения государственного органа, или получение консультаций в сфере осуществления указанных услуг как юридическим, так и физическим лицам в дистанционном формате с использованием возможностей специальных платформ; существование цифрового неравенства, которое выражается в неготовности к предоставлению гражданам услуг с использованием ИКТ на территории всего государства, а предполагает лишь реализацию возможностей цифровизации деятельности только на уровне определённых субъектов Российской Федерации; отсутствие единого национального информационного пространства, объединяющего локальные сети министерств, ведомств, отдельных регионов; проблемы качества получения цифровых услуг в связи с несовершенной технологией их предоставления. Однако необходимо подчеркнуть, что те органы, которые перешли на новый уровень в осуществлении своих государственных полномочий, посредством внедрения ИКТ в свою деятельность, указывают в качестве приоритетной задачи создание оптимальных условий готовности к изменениям в общественно-политической и экономической ситуации, связанным с переходом к цифровой экономике. В качестве примера следует привести приказ Генеральной прокуратуры России от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года», положения которого устанавливают, что формирование высокотехнологичного надзора осуществляется на основе комплексной оптимизации выполнения надзорных функций единой безопасной цифровой платформы для обеспечения электронного взаимодействия органов прокуратуры всех уровней между собой и

с другими государственными органами, внедрения современных механизмов и технологий противодействия киберпреступности и правонарушениям в цифровой среде [11].

Эти моменты свидетельствуют об актуальности темы обеспечения информационной безопасности, что напрямую указывает на то, что с учётом повсеместного внедрения цифровых технологий и переходом к передовым инновационным моделям организации деятельности государственных органов для сохранности нормального функционирования государства необходим постоянный мониторинг ситуации, связанной с обеспечением сохранности личных данных и предоставления правдивой информации без неподтвержденных данных, способствующих искажению реальной действительности и совершению ряда преступных посягательств.

Так, касаясь вопроса подрыва обороноспособности государства посредством управления сознанием населения страны с помощью искаженной информации, стоит раскрыть тему, связанную с событиями, произошедшими с появлением и распространением короновирусной инфекции – COVID-19. На фоне событий, произошедших в 2019 году во всём мире из-за вспышки вируса COVID-19, распространилось одно из вредоносных явлений современности – так называемая «инфодемия». Этот феномен представляет собой стремительное и неконтролируемое распространение в новых медиа-пространствах необоснованной, ложной или искаженной информации о кризисных событиях, усиливающее общественное беспокойство, способствующее распространению негативного настроения граждан относительно систем государственного управления, системы здравоохранения и т. д.

Во время пандемии в периоды максимальной изоляции социальные сети и глобальная сеть Интернет стали основным источником новостной информации. Однако, учитывая сомнительное происхождение источников той или иной информации, среди населения стали распространены приступы паники, агрессии, что даёт возможность заинтересованным лицам осуществлять управление многочисленными группами населения, в том числе с целью подрыва национальной безопасности, розжига политической ненависти и усомнения в корректной деятельности государственного аппарата страны. Как справедливо отмечает М.В. Шкеле: «...Получаемая информация может оказывать «запрограммированное» вредоносное влияние на здоровье и психику человека. Осуществляя скрытое программирование, можно манипулировать его предпочтениями и поведением, формировать негативные личностные качества, например – склонность к агрессии, насилию и т. д.» [15]. В связи с этим стоит также упомянуть и о таком явлении, как «психологическая война» или «информационно-психологическая война». Данный термин подразумевает два значения:

1. Воздействие на гражданское население и/или военнослужащих другого государства путём распространения определённой информации;
2. Целенаправленные действия, предпринятые для достижения информационного превосходства путем нанесения ущерба информации,

информационным процессам и информационным системам противника при одновременной защите собственной информации, информационных процессов и информационных систем [2, с. 79].

Так, Ш.Ф. Мустафаева считает, что методы и техники психологического воздействия на лицо или группу лиц для запугивания, расшатывания его взглядов, дестабилизации общественного порядка имеют многовековую историю [7]. С учётом временных модернизаций общества трансформировались и методы ведения информационно-психологической войны. Так, с учётом интеграции современного общества в информационную среду, повсеместным использованием благ информационно-технологического прогресса, осуществление пространственного влияния психологического воздействия на сознание людей стало более упрощенным, нежели в период полного или частичного отсутствия указанных достижений цивилизации.

Термин «психологическая война» ввел в обиход американский разведчик Поль Лайнбарджер, выпустивший в 1948 году книгу с одноименным названием. Сам П. Лайнбарджер в своём труде писал: «...Психологическая война в широком смысле слова представляет собой использование основ психологии в военном деле,...в узком смысле психологическая война представляет собой использование пропаганды в вооруженной борьбе одновременно с ведением таких боевых действий, которые дополняют пропаганду [6, с. 46].

Нужно констатировать тот факт, что указанное явление всегда было актуальным в практике взаимоотношений между государствами. Однако в современной мировой практике её значение как особого формата вооруженного конфликта значительно возросло. Как справедливо отмечает А.В. Кириченко, появились устойчивые тенденции в современной практике использования психологических технологий для решения различных проблем политического, экономического, военного, организационного характера.

С учётом развития технологий и распространения своего влияния такой глобальной сети как Интернет, стало возможным ведении психологической войны в так называемом «дистанционном формате», при этом воздействие психологических приёмов на неограниченный круг лиц стал ещё проще. Технологии психологического воздействия используются как психотропное оружие, как эффективный инструмент ведения широкомасштабных информационно-психологических войн, которыми изобилует новейшая история [4].

Среди целей ведения такого рода войн стоит определить следующие:

- пропаганда и распространение ложных слухов, дискредитирующих руководство страны;
- идеологические диверсии и организация массовых демонстраций под ложными лозунгами;
- подрыв авторитета государственных органов;
- манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией социальных групп населения страны;

– провоцирование социальных, экономических, религиозных, национальных напряженностей [7].

Поэтому перед государством стоит важная задача, которая заключается в обеспечении реализации стратегических национальных приоритетов страны путём защиты своего гражданского сектора от стороннего воздействия через существующие каналы связи информации.

Технологии психологического воздействия посредством использования современных информационных технологий стали инструментом формирования «...нового мирового порядка, реализации стратегических планов ведущих стран мира, по сути, оружием массового психического поражения, более эффективным, чем даже ядерное оружие» [4], которое в условиях формирования цифрового общества должно иметь постоянный контроль со стороны государства с целью предотвращения разрушительного воздействия на национальный уклад страны.

Рассмотренные явления особо актуальны в наше время в период проведения специальной военной операции Российской Федерацией на территории Украины. Так, в средствах массовой информации, а также сети Интернет распространены случаи фальсификации данных о проведении специальной операции, что создаёт почву для управления сознанием значительных групп населения, введением их в заблуждение относительно тех или иных значимых событий. Итогом выступает массовая паника, подверженность психологического сознания личности манипуляциям со стороны власти противоположной стороны, разжигание межнациональной розни, что всё в совокупности является глобальной угрозой для национальной безопасности государства. Поэтому политика любой страны должна включать в себя положения, направленные на усиления охраны своего населения от воздействия недостоверной информации через телекоммуникационные каналы связи.

Выводы. Таким образом, на примере современных реалий мы видим огромное значение информационных технологий и влияние информации в развитии современного информационного общества и влияние на его сознание в том числе. Информационное воздействие с одной стороны выступает как информационно-техническое средство поддержки деятельности государственных органов, а с другой стороны может предстать в качестве мощнейшего оружия и средства манипулирования сознанием людей в период проведения военных действий. При этом Крылова А. А. справедливо указывает на то, что «...информационно-психологические войны являются ныне не только мощным средством политической мобилизации населения, концентрических операций, инициации «цветных революций», связанных с технологиями «управляемого хаоса», но и фактором усиливающихся дезинтеграционных процессов в современном мире» [5].

Исходя из этого, стоит сделать вывод, что на международном и национальном уровнях необходима разработка и принятие адекватных организационно-правовых мер по противодействию «инфодемии» и

распространению «информационных войн», тем самым способствуя пресечению угроз, направленных на подрыв национальной безопасности посредством нарушения информационной безопасности.

Список использованных источников

1. Анциферова Т.Н. Цифровизация как фактор трансформации современного общества / Т.Н. Анциферова // *Цифровая наука*. – 2020. – № 5 (5). – С. 160-165.
2. Барабаш В.В. Информационная война: к генезису термина / В. В. Барабаш, Е.А. Котеленец, М.Ю. Лаврентьева // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. – 2019. – № 3 (33). – С. 76-89.
3. Карцхия А.А. Цифровая трансформация права / А. А. Карцхия // *Мониторинг правоприменения*. – 2019. – № 1 (30). – С. 25-29.
4. Кириченко, А. В. Информационно-психологические войны: современные тенденции и технологические возможности / А. В. Кириченко // *Акмеология*. 2015. – № 4 (56). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskie-voynu-sovremennye-tendentsii-i-tehnologicheskie-vozmozhnosti> (дата обращения: 29.11.2022). – Загл. с экрана.
5. Крылова И.А. Информационно-психологические войны как фактор дезинтеграционных процессов в современном мире / И.А. Крылова // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. – 2021. – № 4-1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskie-voynu-kak-faktor-dezintegratsionnyh-protsessov-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 29.11.2022). – Загл. с экрана.
6. Лайнбарджер П. Психологическая война [Текст] : Пер. с англ. / Под ред. канд. филол. наук полк. запаса Н.Н. Берникова и с предисл. [С. 5-22] канд. философ. наук полк. А.Н. Ратникова. – Москва : Воениздат, 1962. – 350 с.
7. Мустафаева Ш.Ф. Слухи как средство информационно-психологических войн / Ш.Ф. Мустафаева // *Молодой ученый*. – 2015. – № 5 (85). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/85/15558/> – (дата обращения: 30.11.2022). – Загл. с экрана.
8. Полякова Т.А. Проблемы правового обеспечения информационной безопасности в процессе использования цифровых технологий в глобальной цифровой среде / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, И.С. Бойченко // *Вестник Академии права и управления*. – 2018. – №3 (52). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti-v-protse-ispolzovaniya-tsifrovyyh-tehnologiy-v-globalnoy-tsifrovoy> – (дата обращения: 29.11.2022). – Загл. с экрана.
9. Поправко А.А. Законопроект «О цифровых правах» и формирование цифрового общества в России / А.А. Поправко // *Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки*. – 2018. – № 6. – С. 97-111.

10. Поправко А.К. Компонент профилактики в экспертных технологиях / А.К. Поправко, А.А. Поправко // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2018. – № 7. – С. 91-97.
11. Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 (ред. от 01.12.2021) «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года») // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278651/ – (дата обращения: 15.10.2022). – Загл. с экрана.
12. Соловьёва Т.В. Проблемы информационной безопасности в условиях цифровой трансформации общества / Т.В. Соловьёва // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. – 2019. – № 27. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-informatsionnoy-bezopasnosti-v-usloviyahtsifrovoy-transformatsii-obschestva> – (дата обращения: 15.10.2022). – Загл. с экрана.
13. Тимошенко Н.А. Правовые аспекты информационной безопасности государства / Н.А. Тимошенко, К.Е. Свиридова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Е: Юридические науки. – 2020. – № 3. – С. 82-87.
14. Чернов И.В. Цифровизация как тенденция развития современного общества: специфика научного дискурса / И. В. Чернов // Гуманитарий Юга России. – 2021. – №1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-kak-tendentsiya-razvitiya-sovremennogo-obschestva-spetsifika-nauchnogo-diskursa> (дата обращения: 15.10.2022). – Загл. с экрана.
15. Шкеле М.В. Информационная безопасность как объект уголовно-правовой охраны / М.В. Шкеле // Общество. Коммуникация. Образование. – 2010. – № 105. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-kakobekt-ugolovno-pravovoy-ohranu> – (дата обращения: 15.10.2022). – Загл. с экрана.

УДК 342.7

Ю. С. Степанова, старший преподаватель, Донецкий национальный университет (г. Донецк)

(e-mail: stepanova.yu.s@yandex.ru)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье дается уточненное определение понятия «информационное общество» и поддерживается позиция о нецелесообразности введения нового термина, обозначающего общество на его современном этапе развития. Исходя из представленного сравнительно-правового анализа европейской концепции «право на забвение» и отечественной законодательной практики, сделан вывод о необходимости внесения законодательных изменений, предложенных автором.

***Ключевые слова:** право на забвение, персональные данные, информационное общество, цифровизация, информационные технологии.*

Stepanova, Yu.S.

INFORMATION SOCIETY IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND THE RIGHT TO FORGET: ISSUES OF LEGAL REGULATION

The article gives a refined definition of the concept of «information society» and supports the position that it is inappropriate to introduce a new term denoting society at its present stage of development. Based on the presented comparative legal analysis of the European concept of the «right to be forgotten» and domestic legislative practice, it is concluded that it is necessary to introduce legislative changes proposed by the author.

***Key words:** right to be forgotten, personal data, information society, digitalization, information technology.*

Актуальность темы исследования обусловлена темпами цифровизации и автоматизации информационных процессов во всех сферах общественной жизни; глобализацией информационных процессов, опосредованной сетью Интернет, и массовой включенностью в эти процессы населения. Вследствие указанных процессов, актуальной становится проблема защиты истории человека (или другими словами, памяти о человеке), хранящейся на глобальных интернет-просторах, усугубляющейся по мере формирования информационного общества.

Анализ научных исследований. Исследованию «информационного общества» посвящены труды таких отечественных ученых-правоведов как Н.Д. Караваева, В.Л. Иноземцева, Г.Л. Смоляна, Д.С. Черещкина, И.С. Елюхина и др. Большая часть специалистов, занимающихся исследованием «права на забвение» в своих трудах освещают отдельные вопросы истории возникновения, зарубежного опыта (преимущественно европейского), а также отдельные спорные моменты механизма его реализации, закрепленного в отечественном законодательстве. Вместе с тем, по нашему мнению, заслуживают внимание работы таких отечественных авторов как Т.В. Славкиной, И.Ю. Пашенко,

Н.А. Чикишева, А.К. Жаровой, В.М. Елина, А.Г. Федорова, И.Б. Чагина, А.В. Юрковского и др.

Целью статьи является научное исследование и анализ проблем правового регулирования «права на забвение» в условиях формирования информационного общества в Донецкой Народной Республике как субъекте Российской Федерации.

Изложение основного материала. Освещение вопросов правового регулирования права на забвение в Донецкой Народной Республике считаем целесообразным начать с анализа термина «информационное общество», используемого в качестве обозначения общества на современном этапе своего развития.

В настоящее время существует множество теорий, сформулированных представителями различных наук (социологии, философии, экономики и т.п.) в попытке объяснить состояние современного общества, что, в свою очередь, дало основания для терминологического многообразия: «информационное общество», «цифровое общество», «общество знания», «постиндустриальное общество» и т.д. Вместе с тем, все мыслители сходятся во мнении, что вторая половина XX века характеризуется беспрецедентным ростом объемов информации и интенсификацией информационного обмена. В общем виде, все существующие теории типологизации современного общества условно можно подразделить на две больших группы: теории социальной преемственности (представители теорий неомарксизма, гибкой аккумуляции, рефлексивной модернизации, публичной сферы и регуляционной теории) и теории общества нового типа (в частности теории постиндустриализма, постмодернизма, гибкой специализации и информационного способа развития М. Кастельса) [13, с. 12].

Соглашаясь с мнениями американского социолога М. Кастельса, считающего, что общество любого типа использует информацию, мы поддерживаем точку зрения Н.Д. Караваева относительно того, что информация никогда не переставала быть движущей силой. Отличительной чертой нынешнего этапа человеческого развития является автоматизация информационных процессов, а отсюда и рост экономической ценности информации, повышение роли информационной сферы общества, увеличение объемов обрабатываемой и передаваемой информации, превращение мирового пространства в единое информационное сообщество людей [7, с. 31]. Поскольку термин «информационное общество» прочно вошел в научный и повседневный оборот, считаем нецелесообразным вводить какой-либо новый термин для обозначения современного общества, наполнив, однако, его таким содержанием: информационное общество в его широком понимании – это общество с высоким уровнем цифровизации и автоматизации информационных процессов в их геополитическом масштабе.

Движение к формированию информационного общества является постепенным, длительным, а также неизбежным процессом, который в каждом государстве отличается своей спецификой, что позволяет нам говорить о понятии «информационное общество» в узком смысле как об обществе с

высоким уровнем цифровизации и автоматизации информационных процессов, обусловленных объективными национальными историческими, социальными, культурными, политическими и экономическими условиями, включенном в геополитические процессы.

Развитие «информационного общества» диктует необходимость правового регулирования, воплощения эффективных норм и правил формирования государственной политики, а также направлений развития современного, стабильного правового государства. Именно поэтому считаем, что особого внимания заслуживает проблема правового регулирования защиты персональных данных в целом, и так называемого «права на забвение» в частности.

Впервые институт защиты персональных данных определяется в Директиве 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 24 октября 1995 года «О защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных», в которой были изложены основные принципы обработки персональных данных, при этом ее действие распространялось, в том числе, и на сеть Интернет. Указывалось, что размещенная в сети Интернет информация, не соответствующая положениям данного нормативно-правового акта по причине ее не точной или не полной природы, должна быть удалена [1]. Именно это положение стало предпосылкой закрепления так называемого «права на забвение», об истории становления которого будет упомянуто далее.

Итак, право на забвение – это неофициальное название внесудебного способа защиты своих прав и интересов, который заключается в гарантируемой на законодательном уровне возможности граждан потребовать удаления персональной информации из сети Интернет от операторов поисковой сети. В целом его можно трактовать, как право лица определять вектор развития своей жизни самостоятельно и независимо от того, какие действия это лицо предпринимало в прошлом. Международная ассоциация по защите свободы слова дает три возможных дефиниции понятия «право на забвение». Во-первых, право на забвение – это юридическое понятие, основанное на правах доступа, изменения и удаления личной информации, находящейся в базах данных, к которым у лица нет доступа; во-вторых, это обязательство по удалению информации о финансовых операциях или преступной деятельности по истечении определенного периода времени; в-третьих, это удаление информации из выдачи поисковой системы [15, с. 43].

Данный термин был сформулирован в беспрецедентном решении Суда Европейского Союза от 13 мая 2014 года по делу «Марио Костеха Гонсалеса против Google», по результатам рассмотрения которого Суд Европейского Союза постановил, что граждане Евросоюза имеют право обратиться к поисковым системам с запросом об удалении ссылок на информацию, которая, по их мнению, более не является актуальной либо недостоверна. При этом Суд Европейского Союза пришел к следующим выводам: «деятельность поисковой системы по поиску, автоматической индексации, временному хранению,

ранжированию информации и предоставлению доступа к ней является деятельностью по обработке персональных данных; ... субъект персональных данных может требовать, чтобы соответствующая информация не была доступна для широкой публики путем ее включения в индекс поисковых результатов» [8]. Решение по делу «Марио Костеха Гонсалеса против Google» послужило своеобразным толчком для признания права на забвение на законодательном уровне в ряде государств.

В Европейском Союзе право на забвение гарантируется статьей 17 Регламента Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (далее – Регламента (ЕС) 2016/679), согласно которой физическое лицо имеет право требовать «удаление персональных данных, касающихся личности заявителя в случае, если персональные данные больше не нужны для целей, для которых они были собраны; заинтересованное лицо отзывает согласие на обработку персональных данных; персональные данные были незаконно обработаны» [4]. При этом сфера действия Регламента (ЕС) 2016/679 включает в себя не только страны-участницы Европейского Союза, но и международные компании, действующие на территории Европейского Союза [4]. Европейский Суд конкретизировал данное положение следующим образом: «оператор поисковой системы не должен при удовлетворении запроса на удаление делать это на всех доменных именах своей поисковой системы ... он обязан лишь обеспечить полное и эффективное удаление информации внутри Европейского Союза» [14]. Примечательно, что с данным положением остается не согласна Национальная комиссия по информатике и гражданским свободам Франции, которая считает, что «только удаление результатов на всех серверах поисковой системы, вне зависимости от расширений и географического местоположения человека, выполняющего поиск, может фактически считаться соблюдением права» [14].

В Российской Федерации право на забвение гарантируется законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (далее – ФЗ–№ 149). В частности, согласно ч. 1 ст. 10.3, гражданин имеет право требовать «прекращения выдачи сведений, позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость» [5].

Следует отметить, что российская и европейская концепции права на забвение имеют ряд отличий.

Во-первых, основное отличие заключается в типе информации, которая может быть удалена либо ограничена в доступе. В европейской концепции четко обозначен объект права на забвение – персональные данные, под которыми Регламента (ЕС) 2016/679 подразумевает информацию, относящуюся к определенному физическому лицу, с помощью которой оно может быть идентифицировано прямо или косвенно, в частности посредством ссылки на идентификатор, такой как имя, идентификационный номер, данные о местоположении онлайн-идентификатора или одного или более факторов, характерных для физической, физиологической, генетической, ментальной, экономической, культурной или социальной идентичности [4]. В свою очередь, российский законодатель предоставил возможность расширительного толкования, сделав объектом права на забвение не персональные данные, а «сведения, позволяющие получить доступ к информации о заявителе», что является абстрактным, всеохватывающим понятием [5].

Во-вторых, если нормы европейского права подразумевают ограничение распространения информации лишь в специальных поисковых сервисах, то российское законодательство пошло дальше. Буквально толкуя п. 20 ст. 2 ФЗ-149, можно прийти к выводу, что под ее действие подпадают все поисковые механизмы, доступные на абсолютно всех сайтах сети Интернет [5]. К слову отметим, что поисковые системы Интернет можно разделить на два уровня: макро (специальные глобальные поисковые системы по типу Google) и микро (поиск в отдельных, узкоспециализированных ресурсах). Поисковые запросы на микроуровне осуществляются лишь в рамках интернет-ресурса, подключенного к серверам, которые локально работают с этим сайтом. Обычно на таких интернет-ресурсах на странице отдельно где-то скрыта поисковая строка, выдающая результаты лишь на данном сайте [11, с. 107]. Таким образом, российское законодательство, дав определение «поисковым системам», фактически позволяет распространить «право на забвение» на оба уровня поисковых систем [5].

В-третьих, в европейском законодательстве право на забвение является ограниченным, что позволяет сохранить баланс между частными и общественными интересами. Согласно п. 3 ст. 17 Регламента (ЕС) 2016/679 персональные данные не подлежат удалению, в случае, если их обработка необходима для архивных целей, в интересах общественности, в научных или исторических исследовательских целях или для целей статистики в том случае, если реализация права на забвение сделает невозможным или серьезно помешает достижению целей обработки; для установления, осуществления или защиты правовых требований; для осуществления права на свободу выражения мнения и информации и т. д. [4]. В свою очередь, в законодательстве Российской Федерации отсутствуют какие-либо ограничения данного права, что подразумевает его абсолютный характер.

В-четвертых, положения ФЗ–№ 149 содержат больше возможностей для сохранения конфиденциальности при обращении к оператору поисковой системы. Тогда как европейское законодательство, регулирующее

правоотношения в этой же сфере, подобных норм не содержит, поэтому каждый факт реализации данного права может быть придан общественной огласке.

Нельзя не признать, что инициатива по закреплению и реализации права на забвение имеет благие намерения и цели. Так, Н.А. Чикишев считает, что «с помощью права на забвение, утверждается автономия индивида, человек становится правообладателем в отношении личных данных, и чем дольше времени проходит, тем более вероятно, что личные интересы будут преобладать над общественными» [16, с. 35]. В то же время, С. В. Давыдов сравнивает право на забвение с делопроизводством, говоря, что «в дни, когда Интернет не был повсеместно доступен людям в качестве результата развития технологий, многие сведения хранились на печатных носителях, но также были доступны, хотя доступ к ним не всегда можно было получить в силу различных причин, например, в силу территориальной отдаленности от места, где хранились те или иные архивы». Проводя параллели с прошлым, он утверждает о логичности и исторической необходимости права на забвение в условиях цифровизации общества [6, с. 41]. В свою очередь, И. Ю. Пащенко отмечает его «необходимость как логичного правового закрепления, позволяющего людям защитить свои права на неприкосновенность личной жизни перед лицом постоянно усиливающихся корпораций, желающих проникнуть в частную сферу индивидов» [10, с. 190].

Несмотря на общую положительную оценку внедрения права на забвение в национальное право, в феврале 2019 года в Конституционный Суд Российской Федерации впервые была подана жалоба, оспаривающая конституционность ч. 1 ст. 10.3 ФЗ–№ 149, в особенности – право граждан требовать удаления информации, которая «является неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий». По мнению заявителя, данная норма, во-первых, противоречит принципу правовой определенности и влечет неадекватное понимание, толкование и применение закона, во-вторых, в связке пользователь-поисковик-распространитель информации последний остаётся бесправным и не имеет возможности возразить и, в-третьих, норма перекладывает решение об ограничении поиска и, соответственно, получения и распространения информации на частные компании, а судебный контроль этих решений предусматривает только в интересах заявителей [12].

На сегодняшний день, в силу объективных социально-политических причин, говорить о достаточной наполняемости нормативно-правовой базы Донецкой Народной Республики (далее по тексту – ДНР) актами, способствующими становлению и развитию информационного общества, а следовательно, и правовому регулированию персональных данных и права на забвение, не приходится. Вместе с тем, нормативно-правовую основу в информационной сфере формируют такие специальные законы как: «О персональных данных» № 61-ІНС от 19.06.2015, «О средствах массовой информации» № 59-ІНС от 29.06.2015, «Об информации и информационных технологиях» № 71-ІНС от 07.08.2015, «О нормативных правовых актах» № 72-ІНС от 07.08.2015 (в части опубликования нормативных правовых актов), «О

телекоммуникациях» № 71-ІНС от 07.08.2015, «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» № 79-ІНС от 02.10.2015 [9]. Возможность уничтожения персональных данных по заявлению заинтересованных лиц (в первую очередь, по заявлению субъекта персональных данных) предусмотрена ч. ч. 3, 4, 6 ст. 22 Закона ДНР «О персональных данных» № 61-ІНС от 19.06.2015 [2]. Законом ДНР «Об информации и информационных технологиях» № 71-ІНС от 07.08.2015 предусмотрено право обладателя информации не только на определение порядка и доступа к информации (п. 1 ч. 3 ст. 6), но и защиту своих прав всеми законодательно разрешенными способами (п. 4, 5 ч. 3 ст. 6; ст. 22; ст. 23) [3]. Примечательно, что указанные законодательные акты ДНР во многом аналогичны федеральным законам от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» соответственно, что обеспечит в дальнейшем максимально быструю включенность ДНР в правовое пространство Российской Федерации в связи с принятием Донецкой Народной Республики на правах самостоятельного субъекта в Российскую Федерацию.

Выводы. Таким образом, следствием развития информационного общества и стремительного процесса цифровизации общественной жизни стала возможность реализации прав человека в виртуальной реальности, в которой существенно возрастает риск их нарушения. Существующая отечественная законодательная практика, закрепляющая абсолютный характер права на забвение, по нашему мнению, может привести к ряду проблем в правоприменении, а также ограничение прав других лиц. Под абсолютным характером права на забвение подразумевается приоритет в его реализации независимо от интереса общественности в нахождении информации путем поискового запроса с использованием имени субъекта. Для предупреждения нарушения баланса между частными и общественными интересами предлагается, во-первых, установить исчерпывающий перечень условий, по примеру европейской концепции, ограничивающих право на забвение, а во-вторых, закрепить презумпцию правомерности информации, размещенной в поисковых системах сети Интернет, если она не причинила существенный ущерб соответствующему индивиду. В процессе интеграции в правовое пространство Российской Федерации перед законодательным органом Донецкой Народной Республикой стоит двойная задача – обеспечение баланса частных и общественных интересов при соблюдении общеправовых принципов.

Список литературы

1. Директива 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 24 октября 1995 года. «О защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tgl.net.ru/files/infosafety/%D0%B4%D0%B8%D1%80%D0%B5%>

- D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0%2095-46.pdf – (дата обращения: 21.12.2022).
2. Закон Донецкой Народной Республики № 61-ИНС от 19.06.2015 «О персональных данных». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mininfodnr.ru/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-personalnyh-dannyh/> – (дата обращения: 25.11.2022).
 3. Закон Донецкой Народной Республики № 71-ИНС от 07.08.2015 «Об информации и информационных технологиях». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mininfodnr.ru/zakon-o-vnesenii-izmenenij-v-zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-informatsii-i-informatsionnyh-tehnologiyah/> – (дата обращения: 25.11.2022).
 4. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71936226/> – (дата обращения: 21.12.2022).
 5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/9c2fa12a6b57079c46dbaf3e8af279177d22b87e/ – (дата обращения: 28.11.2022).
 6. Давыдов С.В. Анализ и оценка мирового опыта реализации «права на забвение» / С.В. Давыдов // Научный журнал «Вестник Нижегородского института управления РАНХиГС». – 2017. – № 4. – С. 39–41.
 7. Караваев Н.Л. О смыслообразующем аспекте понятия информационного общества / Н.Л. Караваев // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 3. – С. 28-32.
 8. Марио Костеха Гонсалес против Google. Решение суда (Большая палата) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/72091380/> – (дата обращения 28.11.2022).
 9. Официальный Сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/> – (дата обращения: 28.11.2022).
 10. Пащенко И.Ю. Право быть забытым: зарубежный и российский опыт правового регулирования / И.Ю. Пащенко // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2016. – № 4. – С. 189-192. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-byt-zabytym-zarubezhnyu-i-rossiyskiy-opyt-pravovogo-regulirovaniya> – (дата обращения: 25.11.2022).
 11. Пащенко И.Ю. Проблемы нормативного регулирования «права быть забытым» в сети Интернет / И.Ю. Пащенко // Права человека в евразийском пространстве. – 2016. – №3 (22). – С. 106-112.
 12. Правозащитники жалуются на закон о забвении в Конституционный суд. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/01/31/792981-pravozaschitniki-zakon-o-zabvenii> – (дата обращения: 28.11.2022).

13. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Фрэнк Уэбстер; пер. с англ. М.В. Арапова и Н.В. Малыхиной; под ред. Е.Л. Вартановой. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – 398 с.
14. Франция оштрафовала Google [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/127435/>. – (дата обращения: 28.03.2022).
15. Чагин И.Б. К вопросу о механизме реализации права на забвение в сети интернет / И.Б. Чагин, А.В. Юрковский // Информационное право. – 2018. – № 3 (73). – С. 41-47.
16. Чикишев Н.А. Право на забвение в европейском цифровом законодательстве (на примере Франции) / Н.А. Чикишев // Медиаскоп. – 2017. – № 3. – С. 30-40.

УДК 342.9

Б.Л. Храпинский, старший преподаватель, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: bl.hrapinsky@bk)

НАРУШЕНИЕ ТАМОЖЕННЫХ ПРАВИЛ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается историко-правовой аспект нарушения таможенных правил в Донецкой Народной Республике. Автор отмечает, что таможенные органы способствуют выполнению внешнеэкономической политики страны присущими им средствами и формами, осуществляя таможенное дело, являющееся одним из существенных признаков государственности.

Ключевые слова: таможенное дело, таможенные органы, таможенное законодательство, таможенный контроль, таможенные правила.

Khrapinsky, B.L.

VIOLATION OF CUSTOMS REGULATIONS: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

The article discusses and analyzes the historical and legal aspect of violation of customs regulations in the Donetsk People's Republic. The author notes that the customs authorities contribute to the implementation of the country's foreign economic policy by their inherent means and forms, carrying out customs business, which is one of the essential features of statehood.

Key words: customs, customs authorities, customs legislation, customs control, customs regulations.

Актуальность темы исследования. Весомой составной частью экономической и финансовой политики государства является таможенная система, которая, в свою очередь, невозможна без эффективно действующего механизма наложения ответственности за нарушение таможенных правил.

Четко осознать современные научно-теоретические основы таможенного дела без экскурса в его историю на разных этапах развития общества нельзя. Поэтому даже небольшой исторический очерк поможет подробнее представить современное состояние и развитие таможенного дела в ДНР, понять смысл главных таможенно-правовых норм, яснее спрогнозировать тенденции их развития.

Анализ научных исследований. Исследованием института таможенных правонарушений и ответственности за них занимались такие ученые и специалисты как: С.П. Голубев, Г.М. Мусаев, С.Н. Клепиков, П.Н. Сафоненков, Е.В. Давыдова, Д.Н. Менделеев, Е. Осокин, В.Г. Храбсков и ряд других. Однако вопросы регулирования таможенных правил продолжают вызывать активные дискуссии среди ученых-административистов.

Цель статьи. Цель статьи заключается в исследовании актуальных вопросов, связанных с особенностями таможенных правил в Донецкой Народной Республике в историко-правовом аспекте.

Изложение основного материала. Государство возникает и развивается в соответствии со сложными законами, которые довольно тесно связаны с историческим развитием в целом. Первые государства, по мнению археологов, возникли на территории Северо-Восточной Африки еще в V-IV веке до н.э., распространяя процесс создания государства на других территориях. Становление государства протекало в разных странах по-своему, и к X веку практически на территории всей Европы возник государственный строй.

Не случайно вопрос о соотношении государства и экономики практически существовал с тех пор, когда появилось первое государство, и будет существовать до тех пор, пока будет существовать государственность.

Таможенное дело на территории России зарождается во II-III веках, на данном этапе развития начинается разделение труда, как внутри государства, так и на международном уровне. Вследствие роста производительности труда появляются излишки производимых товаров, которые становятся объектами купли-продажи или обмена. Благодаря этому появились купцы, которые специализировались конкретно на продаже товаров, а не на их производстве. Для регулирования такой деятельности возникли определенные сборы, которые считались налогами, и служили способом пополнения казны государства. К ним относились: сбор за перевозку товара, за проезд по определенной территории, за место продажи и другие.

С развитием государства потребность во взимании налогов возросла и начала выходить на новый уровень. Создаются налоговые органы, спецификой деятельности которых и на сегодняшний день остается взимание налогов и сборов и пополнение казны государства. Но в их компетенции сосредотачивался не только сбор обязательных платежей, но также и сбор торговых взносов на рынках, морских портах и т.д. Данная процедура проверки и взимания сборов за проверку товаров называлась «таможенные», а лица, их осуществляющие – «таможенники».

После возникновения конкуренции с другими местностями, небольшие группы торговцев нуждались в защите, такая потребность привела к возникновению привозных и торговых пошлин.

Пошлины вообще возникли раньше налогов, в те отдаленные времена, когда слабая государственная власть не решалась обращаться к своим подданным с прямым требованием уплаты налогов. Желая получить средства для покрытия государственных расходов, правительства того времени должны были мотивировать свои требования, в большинстве случаев действительно исходившие из услуг, которые оказывало государство. Так развились пошлины за передвижение как плата за пользование путями сообщения, отчасти в связи с ними состояли таможенные пошлины как плата за пользование портами, гаванями и другими местами для торговли товарами. В зависимости от экономической ситуации в государстве, ставки пошлин могли как увеличиваться, так и уменьшаться, но около 80% средств, поступавших в казну, были таможенными пошлинами [5].

С развитием экономических связей между государствами в сфере таможенной политики начинается выработка общей пошлинной системы, в связи с чем начинают складываться элементы таможенного права.

Неразрывно с историей таможенного дела, экономикой государства, а также внутренней и внешней торговлей связаны исторические аспекты борьбы с контрабандой.

История происхождения и развития контрабанды начинает свой путь с древности, в те времена, когда была введена пошлина на товары, ввозимые в государство или вывозимые из него. Увеличение масштабов таких явлений, как контрабанда, связана с ростом пошлин, из-за чего и происходило не только сокрытие товаров, перемещаемых через таможню, но и перемещение помимо таможенных постов.

В X веке на Древней Руси контрабанда нашла свое отражение в своде законов «Русская Правда». В нем были закреплены правила торговли, порядок уплаты таможенных платежей, а также санкции, применяемые за контрабанду. Примером санкции является одна из разновидностей штрафа, такой, как «промыт», он устанавливал двойную ставку пошлины в случае, если товар провозился или должен был провозиться путем его сокрытия. Позже, в другом нормативно правовом акте Древней Руси, а именно в Судебнике 1497 года князя Владимира говорилось, что за попытку сокрытия перевозимого товара и неуплату пошлины, следует санкция в виде конфискации данного товара и избивание плетью перевозчика [10].

После увеличения таможенных пошлин в XVII-XVIII веках у торговых людей прослеживается тенденция к незаконному перевозу товаров. Данная запрещенная деятельность начала процветать вследствие формирования внутреннего российского рынка, что привело к увеличению производительности и развитию внешней торговли, а также выходу на международный рынок. В данный период система санкций за нарушение таможенных правил становится более развитой, помимо такого вида штрафа, как «промыт» возникает «заповедь»,

которая означает пеню за неуплату пошлины при продаже или покупке определенных товаров.

Новой вспышкой контрабандной деятельности стал период после введения Таможенного тарифа Петра I в 1724 г. Ранее борьбу с контрабандой осуществляли только таможенники, и товары провозились только в торговых судах через пограничные порты, но по причине развития фабрик по производству товаров для пользования внутри государства, ограничением ввоза из-за границы изделий и установлением более строгого контроля, контрабанда стала идти вне таможен, но уже на западной сухопутной границе.

Для препятствия беспошлинному провозу товаров Петром I был издан указ, согласно которому конфисковался весь тайно провозимый товар, а также взималась двойная пошлина, а в случае, если нарушитель не может её выплатить, конфисковалось судно.

С развитием таможенного законодательства был издан новый нормативный акт, который конкретизировал новый порядок торговли и сбора пошлин – Таможенный устав 1755 года [16].

С учетом отмены протекционистского тарифа Петра I, контрабанда сократилась, но, к сожалению, не исчезла вовсе. В конце XVIII века, после увеличения ставок пошлин и запрета ввоза и вывоза определенных товаров контрабанда усилилась, и в связи с этим, в 1782 г. указом Екатерины II создается таможенная пограничная стража.

После введения в 1822 г. нового таможенного тарифа, в 1877 г. Россия снова переходит на протекционистскую таможенную политику. Происходит строительство железных дорог и развитие торговых связей на юге и востоке государства, что приводит к расширению контрабанды не только на границах, но и в промышленном центре страны [10].

Нормы карательного характера были изложены в Таможенном уставе 1819 г., откуда они были перенесены в Уложение о наказаниях 1845 г. Этот документ содержал лишь нормы, которые применялись мировыми судьями, окружными судами и судебными палатами. Тайно провозимыми товарами считались по Таможенному уставу 1819 г. и по Уложению о наказаниях 1845 г. те, которые провозились и проносились мимо таможи за границу или из-за границы, а также и те, которые из-за границы были привезены в таможеню, но в грузовых документах и в заявлениях не были упомянуты [8].

В 1892 г. принимается новый Таможенный устав, который служил основой для дальнейшего развития нормативной базы таможенной политики.

Таможенный устав 1892 г. содержал в себе ранее изданные постановления о контрабанде. В нем раскрывалась сущность контрабанды. Согласно данному Уставу, контрабандой признается: товары, которые провозятся или проносятся мимо таможен за границу или из-за границы, а также и те, которые из-за границы привезены на таможеню, но в грузовых документах и поданных объявлениях не указаны. Предусматривались нормы, которые регулируют большой круг вопросов, в том числе – связанных с взысканием и

наказание за нарушение прав, установленных для провоза и вывоза товаров, для перевоза товаров из одних таможен в другие и отвоза товаров, и другие [10].

Таможенный устав, принятый в 1904 г., является более усовершенствованным. В нем контрабандными товарами признаются товары, провозимые или переносимые незаконными путями и способами как за границу, так и из-за границы, а под контрабандой понимались только незаконно перевозимые запрещенные товары, облагаемые пошлиной. За такой провоз применялась особая пошлина.

Борьба с контрабандой являлась составной частью обеспечения экономической безопасности России. Введение конвенционных тарифов в 1892 г. и 1904 г. не ослабило потока контрабандных товаров в Россию, деятельность контрабандистов представляла серьезную угрозу для государства не только на западной границе, но и на границах юга страны, Дальнем Востоке и Тихоокеанском побережье. Рост контрабанды был связан, с одной стороны, с промышленным подъемом Германии и других промышленно развитых государств, который привел к значительной дешевизне товаров, с другой – развитием железнодорожного транспорта и морских перевозок, а главное – продолжавшейся иностранной экономической экспансией против России [3].

В отношении экспортных товаров контрабандой признавалось не только оконченное действие, но также и покушение на вывоз товаров. Это связано с тем, что задержание контрабандиста на территории соседствующего государства было невозможно.

Жители, которые проживали вблизи границы, из-за низкого уровня жизни были вынуждены сотрудничать с контрабандистами для получения материальной выгоды.

За счет того, что появилась новая форма доставки контрабандных товаров, были созданы подпольные конторы, которые специализировались на перевозке товаров по поддельным документам. В данных условиях правительство Российской империи, Министерство финансов, Департамент таможенных сборов, а также правоохранительные органы принимали меры организационного характера, улучшали практику борьбы с контрабандой и привлекали пособников к ответственности. Немаловажную роль играли разработанные Департаментом таможенных сборов Правила об оценке товаров. В совокупности эти нормативно-правовые акты закрепляли большое количество норм по борьбе с контрабандой, что давало возможность создать систему экономической защиты не только границ, но и всей страны в целом.

В Таможенном уставе 1910 г. несколько иначе определялось понятие контрабанда, под ней понимался «ввоз из-за границы помимо таможенных учреждений или хотя и через таковые, но с сокрытием от таможенного контроля товаров иностранных, пошлинных и запрещенных; вывоз за границу или попытка вывоза помимо таможенных учреждений или хотя и через таковые, но с сокрытием от таможенного контроля товаров, запрещенных к вывозу; выпуск на внутренний рынок иностранных товаров, запрещенных или пошлинных, поступивших в таможню, но по преступному соглашению с должностными

лицами таможенного ведомства, выпущенных с таможни без оплаты пошлины или с оплатой пошлины, но в меньшем, чем следовало, размере» [6].

Следовательно, Устав 1910 г. стал более усовершенствованным и модернизированным, стал включать в себя больший круг преступных деяний, в том числе и с участием должностных лиц.

В условиях подъема в промышленной сфере 1909-1913 гг. и депрессии начала XX в. контрабандистская деятельность увеличилась. В среднем за год проходило около 10 тысяч контрабандных операций [10].

Цель защиты экономического интереса страны на границах стала ключевой после 1917 г. Так, в постановлении Совета народных комиссаров говорилось, что контрабанда будет преследоваться по всей строгости закона. Декретом СНК РСФСР от 22 апреля 1918 г. в государстве была введена монополия внешней торговли, то есть теперь контрабанда расценивалась не только как нарушение фискальных интересов государства, но и как нарушение монополии внешней торговли, что приобрело политический характер.

Декрет Совнаркома от 31 марта 1922 г. закрепил строгую централизацию таможенных органов, и запретил гражданской и военной власти и другим учреждениям вмешиваться в деятельность таможенных органов. Распространялась практика ограничений и запретов, поэтому роль таможенной службы сводилась к выполнению функций регистрации факта перемещения товаров через границу. Практическая реализация идеи государственной монополии внешней торговли не оставила места для широкого применения таможенно-тарифной практики и сделала систему таможенного контроля лишь вспомогательным инструментом регулирования внешней торговли [6, с. 28].

В начале 1921 г. рынки были переполнены контрабандными товарами, на западе страны контрабанда составляла 50%, данная цифра была довольно большой по отношению ко всей территории государства. Борьба с контрабандой была довольно затруднена, так как все силы были сосредоточены не на границах страны, а в ее глубине, тем самым наблюдалось, что контрабанда выявлялась при обследовании торговых предприятий. В некоторых случаях контрабанда носила интернациональный характер, так как дефицитные товары привозили при участии иностранных дипломатов.

Кроме определенных дефицитных товаров, активно шла контрабанда золота, но благодаря работе Межведомственной комиссии по борьбе с контрабандой, контрабандный вывоз золота в период с 1922 по 1928 гг. значительно сократился. К примеру, в 1922 при общем количестве 12160 кг добытого золота, было вывезено контрабандным путем 8000 кг по стоимости 10000 руб. за кг, к 1928 г. при количестве 19696 кг добытого золота было вывезено 2000 кг уже по стоимости 2500 руб. за кг. В процентном соотношении в 1922 г. доля вывезенного золота составляла 65,8%, в 1928 г. – 10% [6].

Таможенный кодекс (далее – ТК) СССР, принятый постановлением ЦИК и СНК СССР от 19 декабря 1928 г. [14] состоял из 4 разделов и 188 статей. Он закреплял основной принцип деятельности таможенных учреждений – осуществление контрольных функций на границе. Однако, как отмечал

К.К. Сандровский, эти функции заключались уже не в обеспечении фискальных интересов, как это во многом имело место ранее, а в фактическом контроле за выполнением управленческих решений о государственной монополии внешней торговли как главной задачи таможен [11, с. 93].

Определенно важным фактором в борьбе с контрабандными проявлениями являлось удовлетворение рыночного спроса путем развития промышленности, а также осуществления ввоза товаров, которые зачастую доставлялись контрабандистами.

До 1928 г. таможенный контроль за внешнеторговыми грузами заключался в том, что на пограничных станциях предъявлялись разрешения и сопроводительные документы, грузы подлежали обязательной выгрузке из вагонов, раскрытию, взвешиванию. Их выпуск разрешался только после уплаты таможенных платежей. Грузы, за которые пошлина и другие платежи не были уплачены, задерживались на таможенных складах, в результате чего таможня искусственно задерживала движение товаров через государственную границу.

Как отмечал В.Г. Храбсков, в 1928-1929 гг. развитие внешней торговли привело к увеличению импорта, что требовало изменить существующий порядок [17, с. 22].

Следующий период, начиная с 30-х годов XX в, был небогатым на законодательные акты в этой сфере и уже не столь характерным с точки зрения советского таможенного права [11, с. 94].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1964 г. был утвержден новый ТК СССР, в котором впервые в кодифицированном акте по вопросам таможенного дела признавалась приоритетность международных сделок с участием СССР над правилами перемещения, закрепленными в ТК (ст. 20) [15].

На длительное время (вплоть до отмены во второй половине 80-х годов XX в.) государственная монополия внешней торговли определяла основную функцию советских таможенных учреждений – контроль за ее соблюдением, или, как отмечал В.Г. Храбсков, фактический контроль за соблюдением этой монополии, что выражается в проверке транспортных средств и грузов, наличии разрешений на ввоз и вывоз грузов, а также соответствии груза номенклатуре внешнеторговой организации. В необходимых случаях таможенные учреждения проводят также досмотр грузов, чтобы проверить, соответствуют ли сведения, указанные в сопроводительных документах, фактическому вложению [17, с. 21].

Радикальный этап реформирования системы таможенных органов СССР начался 12 февраля 1986 г., когда было создано Главное управление государственного таможенного контроля (далее – ГУГТК) при Совете Министров СССР. Таким образом создавался самостоятельный центральный орган исполнительной власти, который получил статус союзного ведомства.

В результате отказа от государственной монополии на внешнюю торговлю существенно увеличилось количество субъектов внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) и экспортно-импортных операций. С целью увеличить пропускную способность таможен и таможенных

постов в конце 80-х годов был введен досмотр и таможенное оформление грузов по месту нахождения субъекта ВЭД. Для этого Приказом ГУГТК от 29 января 1989 г. утверждается порядок создания досмотровых комиссий и назначения таможенных уполномоченных [9, с. 5].

Во второй половине 80-х гг. большее внимание в деятельности таможенных служб уделялось вопросам, касающимся совершенствованию таможенного контроля, повышения уровня культуры, надежности, выявлению и пресечению общественно опасных нарушений таможенных правил.

Попыткой в корне изменить сущность таможенного дела в новых социально-политических, экономических условиях следует считать принятие 26 марта 1991 г. ТК СССР [13]. Уже в его преамбуле говорилось, что Кодекс принят с целью создания условий для коренной перестройки федеративных отношений, формирования рыночной экономики в рамках единого экономического пространства Союза ССР и роста внешнеэкономической активности республик, национально-территориальных образований, предприятий и организаций. Общее руководство таможенным делом возлагалось на высшие органы государственной власти и управления СССР, а непосредственное осуществление таможенного дела – на таможенные органы СССР, которые составляли единую общесоюзную систему, включающую: Таможенный комитет СССР, региональные таможенные управления СССР, таможни СССР, то есть устанавливалась трехзвенная система в области управления таможенным делом. Также предусматривалось создание при Таможенном комитете СССР Таможенно-тарифного совета, состав и компетенция которой определялись Законом СССР «О таможенном тарифе» и нормативными актами Президента СССР. Для борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ предусматривалось создание Союзного координационного совета, компетенция которого определялась Президентом СССР. Создание, реорганизацию и ликвидацию региональных таможенных управлений и таможен СССР проводил по ТК СССР 1991 г. Таможенный комитет СССР.

Образование в 1991 г. государства Украина повлекло за собой преобразования, которые принципиально изменили место и роль таможенных органов в системе государственного управления.

Издается Указ Президента Украины от 11 декабря 1991 года № 1/1991 «О создании Государственного таможенного комитета Украины», а 12 декабря 1991 года Верховная Рада принимает Таможенный Кодекс Украины. Данный кодифицированный акт обеспечивал основы таможенного контроля, таможенного регулирования и безопасности страны.

В декабре 1991 г. создается Содружество Независимых Государств, учредителями которого являлись Россия, Украина и Белоруссия. Но в 2014 году Украина перешла в процесс выхода из СНГ, на данный момент обладает спорным статусом.

В ноябре 1992 г. Украину приняли во Всемирную таможенную организацию.

После провозглашения независимости Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) в 2014 г. создается таможенная система ДНР, которая регулировалась Временным положением о таможенной системе ДНР, утвержденным Постановлением Совета Министров ДНР от 10.01.2015 г. № 1-23, согласно которому на территории Донецкой Народной Республики осуществляется единая таможенная политика, являющаяся составной частью внутренней и внешней политики ДНР. Таможенная политика – это система принципов и направлений деятельности ДНР в сфере обеспечения своих экономических интересов и безопасности, при помощи таможенно-тарифных и нетарифных мероприятий регулирования внешней торговли [3].

Были созданы таможенные границы. Согласно Порядку создания и функционирования зон таможенного контроля, утвержденному Приказом Министерства доходов и сборов от 23.11.2016 г. № 338, зоны таможенного контроля создаются с целью обеспечения осуществления таможенными органами таможенного контроля товаров и транспортных средств, перемещаемых через таможенную границу ДНР, проведения мероприятий, связанных с выявлением, предупреждением и прекращением контрабанды и нарушений таможенных правил» [4]. Был принят Закон ДНР «О таможенном регулировании в Донецкой Народной Республике» № 116-ИНС от 25.03.2016 г. [2].

Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ установил, что законодательство Российской Федерации о таможенном регулировании применяется на территории Донецкой Народной Республики с 1 января 2023 года [1].

Выводы. Итак, вся история международных связей убедительно подтверждает положение о том, что развитая торговля, прочные хозяйственные отношения приносят не только взаимный экономический выигрыш, но и создают прочную базу для улучшения политического климата. Одновременное улучшение политических отношений способствует более полному использованию возможностей для торгово-экономического сотрудничества между странами. Повышение роли экономических и научно-технических связей с другими странами требует принятия определенных мер по совершенствованию управления всей внешнеэкономической деятельностью. Тем самым подчеркивается необходимость укрепления не только экономической, но и правовой основы внешнеторговых связей с зарубежными странами.

Таким образом, сегодня роль государственных органов, с помощью которых осуществляются внешние экономические связи, повышается, возрастает значение дальнейшей правовой регламентации их деятельности. Сказанное в полной мере относится и к такому важному звену системы внешней торговли, как таможенные органы, которые способствуют выполнению внешнеэкономической политики страны присущими им средствами и формами, реально осуществляя таможенное дело, являющееся одним из существенных

признаков государственности.

Список литературы

1. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики : Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210050005> – (дата обращения: 05.11.2023).
2. О таможенном регулировании в Донецкой Народной Республике: Закон Донецкой Народной Республики от 25 марта 2016 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-tamozhenom-regulirovanii-v-donetskoj-narodnoj-respublike/> – (дата обращения: 06.11.2022).
3. Об утверждении Временного положения о таможенной системе Донецкой Народной Республики: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 10 января 2015 г. №1-23. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-1-23-20150110/> – (дата обращения: 07.11.2022).
4. Об утверждении порядка создания и функционирования зон таможенного контроля: Приказ Министерства доходов и сборов Донецкой Народной Республики от 23 ноября 2016 г. № 338. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mdsdnr.ru/tamozhnya/15-tamozhnya/858-prikaz-ot-23-11-2016-338> – (дата обращения: 08.11.2022).
5. Брокгауза и Ефрона энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, – 1971. – С. 855-856.
6. Габричидзе, Б.Н. Становление и развитие таможенной службы в Советском государстве (1917-1991 гг.) / Б.Н. Габричидзе, Д.М. Полежаев // Государство и право. – 1992. – №10.
7. История таможенного дела и таможенной политики России. – 3-е изд., доп. / Под общ. ред. А.Е. Жерихова. – Москва : РУСИНА-ПРЕСС, 2004. – С. 246.
8. Общее собрание циркуляров, распоряжений Департамента таможенных сборов за 1870-1900 гг. – СПб., – 1902. – С. 124.
9. Основные документы по осуществлению внешнеэкономической деятельности. – Москва, – 1989. – 229 с.
10. Пиляева В.В. История таможенного дела и таможенной политики России / В.В. Пиляева. – Москва : Юриспруденция. – 2012. – С. 150.
11. Сандровский К.К. Таможенное право: Учеб. пособие / К.К. Сандровский. – Киев : Киевский госуд. ун-т, 1971. – 98 с.
12. Свод законов Российской империи: дополненный по продолжениям 1906, 1908, 1909, 1910 гг. и позднейшими узаконениями 1911, 1912 гг. – Кн. 2. – Т. V-IX. – Изд. 2 / Под ред. Добровольского А.А. – СПб.: Юрист, – 2003. – С. 75.

13. Таможенный кодекс СССР // Ведом. съезда нар. депутатов СССР и Верхов. Совета СССР. – 1991. – № 17. – Ст. 484.
14. Таможенный кодекс СССР от 19 декабря 1928 г. // СЗ СССР. – 1929. – № 1. – Ст. 1.
15. Таможенный кодекс СССР от 5 мая 1964 г. // Ведом. Верхов. Совета СССР. – 1964. – № 20. – Ст. 242.
16. Таможенный Устав декабря 1 года 1755 // Таможенное дело России: Сб. документов и матер. – Москва : Автор, ЮПАПС, 1998. – 504 с.
17. Храбсков В.Г. Таможня и закон / В.Г. Храбсков. – Москва : Юрид. лит., – 1979. – 128 с.

